НАУЧНЫЙ ФОРУМ
nauchforum.ru

ISSN: 2542-2162

№41(220)
часть 3

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СТУДЕНЧЕСКИЙ ФОРУМ

Г. МОСКВА

Электронный научный журнал

СТУДЕНЧЕСКИЙ ФОРУМ

№ 41 (220)
Декабрь 2022 г.

Часть 3

Издается с февраля 2017 года

Москва
2022

УДК 08
ББК 94
С88

Председатель редколлегии:
Лебедева Надежда Анатольевна – доктор философии в области культурологии, профессор философии Международной кадровой академии, г. Киев, член Евразийской Академии Телевидения и Радио.

Редакционная коллегия:
Арестова Инесса Юрьевна – канд. биол. наук, доц. кафедры биоэкологии и химии факультета естественнонаучного образования ФГБОУ ВО «Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева», Россия, г. Чебоксары;
Ахмеднабиев Расул Магомедович – канд. техн. наук, доц. кафедры строительных материалов Полтавского инженерно-строительного института, Украина, г. Полтава;
Бахарева Ольга Александровна – канд. юрид. наук, доц. кафедры гражданского процесса ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», Россия, г. Саратов;
Бектанова Айгуль Карибаевна – канд. полит. наук, доц. кафедры философии Кыргызско-Российского Славянского университета им. Б.Н. Ельцина, Кыргызская Республика, г. Бишкек;
Волков Владимир Петрович **–** канд. мед. наук, рецензент АНС «СибАК»;
Елисеев Дмитрий Викторович **–** канд. техн. наук, доцент, начальник методологического отдела ООО "Лаборатория институционального проектного инжиниринга";
Комарова Оксана Викторовна – канд. экон. наук, доц. доц. кафедры политической экономии ФГБОУ ВО "Уральский государственный экономический университет", Россия, г. Екатеринбург;
Лебедева Надежда Анатольевна – д-р филос. наук, проф. Международной кадровой академии, чл. Евразийской Академии Телевидения и Радио, Украина, г. Киев;
Маршалов Олег Викторович – канд. техн. наук, начальник учебного отдела филиала ФГАОУ ВО "Южно-Уральский государственный университет" (НИУ), Россия, г. Златоуст;
Орехова Татьяна Федоровна – д-р пед. наук, проф. ВАК, зав. Кафедрой педагогики ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова», Россия, г. Магнитогорск;
Самойленко Ирина Сергеевна – канд. экон. наук, доц. кафедры рекламы, связей с общественностью и дизайна Российского Экономического Университета им. Г.В. Плеханова, Россия, г. Москва;
Сафонов Максим Анатольевич – д-р биол. наук, доц., зав. кафедрой общей биологии, экологии и методики обучения биологии ФГБОУ ВО "Оренбургский государственный педагогический университет", Россия, г. Оренбург;

С88 Студенческий форум: научный журнал. – № 41 (220). Часть 3. М., Изд. «МЦНО», 2022. – 60 с. – Электрон. версия. печ. публ. – https://nauchforum.ru/journal/stud/41.

Электронный научный журнал «Студенческий форум» отражает результаты научных исследований, проведенных представителями различных школ и направлений современной науки.

Данное издание будет полезно магистрам, студентам, исследователям и всем интересующимся актуальным состоянием и тенденциями развития современной науки.

ISSN 2542-2162

ББК 94
© «МЦНО», 2022 г.

Оглавление

Статьи на русском языке **5**

Рубрика «Юриспруденция» **5**

СУБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА МОШЕННИЧЕСТВА: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ 5
Барвенков Алексей Юрьевич

ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ ПО ДЕЛАМ О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ) В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ 8
Бодю Иван Иванович
Чубанов Никита Александрович
Прокошкина Надежда Ивановна

ОСНОВАНИЯ И ПОРЯДОК ПРИЗНАНИЯ ЗАВЕЩАНИЯ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМ 10
Борисенко Людмила Андреевна
Понежин Михаил Юрьевич

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА СУБЪЕКТОВ РФ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ 12
Буркина Виктория Юрьевна
Краснослободцева Наталия Кузьминична

ПРЕДМЕТ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ 15
Ермолаева Кристина Геннадьевна
Даровских Светлана Михайловна

КОМПЕНСАЦИЯ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА ПРИ НАРУШЕНИИ ЛИЧНЫХ НЕИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ 18
Кочанова Марина Ивановна
Багишев Олег Алексеевич

ОБЗОР НОРМЫ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УБИЙСТВО МАТЕРЬЮ НОВОРОЖДЕННОГО РЕБЕНКА И ЕЕ ПЕРСПЕКТИВЫ 21
Кузнецова Дарья Сергеевна
Пережогина Галина Владимировна

СИСТЕМА СРЕДСТВ ДОКАЗЫВАНИЯ В ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ, НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАКТИКИ 26
Лапшин Владислав Викторович

УЧАСТИЕ АДВОКАТА-ЗАЩИТНИКА В ДОКАЗЫВАНИИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ 29
Малыхина Карина Гариковна
Черкасова Елена Анатольевна

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВА РЕБЕНКА НА ЗАЩИТУ ОТ НЕГАТИВНОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ПОТОКА 32
Мингазова Алина Раилевна

ОСОБЕННОСТИ ВЫЯВЛЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ СИНТЕЗИРОВАННЫХ НАРКОТИКОВ 35
Парфенов Дмитрий Сергеевич
Сакаева Эльвира Зинуровна

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА БЕЗНАЛИЧНЫХ ДЕНЕГ 38
Петросян Мариам Геворговна
Балаян Луиза Арсеновна
Фаизова Кристина Александровна

ПРОИЗВОДСТВО ПО ДЕЛАМ, СВЯЗАННЫМ С ВЫПОЛНЕНИЕМ ФУНКЦИЙ СОДЕЙСТВИЯ И КОНТРОЛЯ В ОТНОШЕНИИ ТРЕТЕЙСКИХ СУДОВ 40
Петросян Мариам Геворговна
Азаматова Ленара Ленисовна

ОТВОД СУДЬИ ПРИ ЕДИНОЛИЧНОМ РАССМОТРЕНИИ ДЕЛА В ХОЗЯЙСТВЕННОМ ПРОЦЕССЕ 43
Солдатенко Виктория Александровна
Рудь Полина Игоревна
Прохорчик Олег Анатольевич

ТЕРРОРИЗМ КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ 45
Рябова Карина Сергеевна
Картабаева Алина Ахатовна
Байрамбекова Айшат Насруллаевна

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОГОВОРА КУПЛИ-ПРОДАЖИ 49
Рябова Карина Сергеевна
Иванова Людмила Александровна

ХОДАТАЙСТВА КАК СРЕДСТВА ЗАЩИТЫ 52
Семенова Дарья Александровна
Кочетова Алла Валерьевна

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУРНЫХ ИНСТИТУЦИЙ С АВТОРАМИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ 55
Слабоденюк Марина Вадимовна

ВЫМОРОЧНОЕ ИМУЩЕСТВО В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ 57
Слепцова Елизавета Сергеевна
Боева Диана Вячеславовна
Ермолаева Тамара Александровна

СТАТЬИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

РУБРИКА

«ЮРИСПРУДЕНЦИЯ»

СУБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА МОШЕННИЧЕСТВА: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Барвенков Алексей Юрьевич
магистрант,
Тольяттинский государственный университет,
РФ, г. Тольятти

Аннотация. Данная статья рассматривает субъективную сторону мошенничества: общее и особенное.

Ключевые слова: мошенничество, преступление, уголовное право, правоприменительная практика.

Субъективная сторона преступления представляет собой психическую деятельность лица, непосредственно связанную с совершением преступного деяния. Фактически ее можно условно определить как внутреннюю сущность преступления. Субъективная сторона отражает психические процессы, протекающие в сознании субъекта преступления, при обдумывании и осуществлении преступного деяния [1].

Такой элемент состава преступления как субъективная сторона законодателем в уголовном праве не определяется. Это понятие раскрывается опосредованно через такие признаки, как вина, мотив, цель, отражающие внутреннее отношение субъекта преступления к совершаемому деянию.

Субъективная сторона преступления – это психическая деятельность лица, сопровождающаяся совершаемым им преступлением и характеризующаяся психическим отношением лица к совершаемому им деянию и его последствиям, а в ряде случаев мотивами и целями этого деяния.

На сегодняшний день, наука и практика уголовного права, как было указано в предыдущем параграфе, выработала две группы признаков – объективных и субъективных, необходимых для качественной квалификации любых преступлений, в том числе и мошенничества (всех его видов). Другими словами, кроме объективных признаков, определяющее значение имеет установление и анализ субъективных признаков мошенничества, поэтому, в контексте поставленной в настоящем параграфе задачи нами будет совершена попытка исследования субъективных признаков преступлений, предусмотренных ст.ст. 159-159.6 УК РФ.

В теории уголовного права, под субъективной стороной преступления понимается «психическая деятельность лица, непосредственно связанная с совершением преступления», где обязательным ее признаком выступает «вина», выражающая «психическое отношение лица к совершаемому им преступлению в форме умысла и неосторожности», что делает данное свойство одним из основных условий совершения любого преступления. О таких формах вины как умысел и неосторожность указывает и уголовный закона в ст. 24 УК РФ, регламентируя, что «виновным в преступлении признается лицо, совершившее деяние умышленно или по неосторожности». Также, кроме основного признака «вины», субъективная сторона преступления характеризуется факультативными признаками – мотивом и целью, где под

мотивом понимается внутреннее побуждение, направляющее поведение человека, а под целью понимается ожидаемый результат для злоумышленника, то есть преступника. При этом следует иметь в виду, что цель при хищениях, в том числе и при мошенничествах, исходя из Примечания 1 к ст. 158 УК РФ, является обязательным для квалификации признаком субъективной стороны.

В уголовно-правовой науке, устоявшимся и традиционным подходом является позиция о том, что мошенничество, как и иные виды хищения, а также, как и подавляющее большинство преступлений, предусмотренных Главой 21 УК РФ «Преступления против собственности» характеризуются виной в форме прямого умысла. В свою очередь, прямой умысел отражает психическое состояние лица, при котором оно в полной мере понимает общественную опасность своего деяния, заранее осознает реальный потенциал либо неизбежность объективного возникновения общественно опасных последствий и желает их возникновения, то есть вся психическая деятельность злоумышленника характеризуется полноценным пониманием всех совершаемых им действий. Данный подход, как указано выше, нашел полную поддержку в доктринальных кругах и не вызывает никаких сомнений. При этом в теории уголовного права указывается, что умысел как форма вины состоит из двух элементов – интеллектуального и волевого моментов.

Интеллектуальный момент умысла отражает состояние «осознания» лицом общественной опасности своего деяния, а также возникновения в результате их неблагоприятных последствий, то есть злоумышленник при совершении мошенничества в полной мере понимает, что совершает неправильные действия, характеризующиеся общественной опасностью и наказуемостью, а также понимает и опасность последствий в результате своих действий. По справедливому мнению, И.В. Азаровой, интеллектуальный момент прямого умысла при хищениях выражается осознанием со стороны злоумышленника определенных обстоятельств – признаков объективной стороны хищений, а именно его противоправности, безвозмездности изъятия или обращения в свою пользу чужого имущества, а также полное понимание нанесения имущественного ущерба законного владельцу этого имущества.

Обращаясь к правоприменительной практике, можно выявить интеллектуальный момент прямого умысла при мошенничестве. Например, Приговором Хасавюртовского городского суда Республики Дагестан от 19.02.2019 г. по делу № 1-11/2019 была осуждена гражданка А. по ч. 2 ст. 159 УК РФ. Осужденная А., будучи продавцом в мебельном магазине посредством обмана ввела в заблуждение потерпевшую С [2] под предлогом продажи и дальнейшей доставки мебели, находящиеся якобы в собственности у А. как у владельца мебельного магазина. Потерпевшая С. думая, что покупает мебель, а также оплачивает ее доставку, передала А. денежные средства, которые в последующем А. потратила в своих личных целях, а свои обязательства по доставке и фактической продажи мебели не выполнила. Судом в данном решении было установлено, что осужденная А. в момент принятия денег за мебель у С., была признана банкротом, имела долги, а товар с магазина уходил в счет погашения этих долгов, что указывает на осознание со стороны А. невозможности предоставить оплаченную мебель к потерпевшей, а также невозможность возвращения денег. Тем самым, А. осознавая указанные факты, совершила обман, то есть сообщила С. заведомо ложные сведения, совершив также умышленные действия по выдаче квитанции за мебель, что согласно п. 4 Постановления Пленума № 48 подтверждает наличие прямого умысла.

Аналогичный подход сохраняется в отношении специальных видов мошенничества. Например, в Приговоре Кольчугинского городского суда Владимирской области от 10.07.2019 г. по делу № 1-93/2019 указано, что осужденный Е., осуществил хищение при получении кредита путем предоставления заведомо ложных данных о месте работы в анкете, при этом на самом деле работая в другом месте, что показывает на прямой умысел осужденного. Данный пример выступает ярким подтверждением полного осознания общественно опасных действий в виде мошенничества в сфере кредитования, когда злоумышленник, имея работу в одном месте, при попытке получения кредита указывает иные сведения, тем самым, предоставляя заведомо ложны сведения.

Волевой момента умысла отражает «желание» лица наступления общественно опасных последствий, то есть данное свойство характеризует уже не категорию «понимания и осознания» злоумышленника, а указывает на волевое желание совершить противоправные действия и достичь желаемого результата для себя в ущерб иным лицам. И.В. Азарова отмечает, что волевой момент прямого умысла при хищениях выражает стремление злоумышленника получить имущественную выгоду для себя, при этом он «осознает», что данное имущество находится в собственности у других лиц, и у него нет прав на него, тем самым стремление во взаимосвязи с осознанием отражает желание совершить хищение. При рассмотрении волевого элемента необходимо также обратиться к третьему обязательному признаку субъективной стороны мошенничества – к корыстной цели, которая установлена при определении понятия хищения в Примечании 1 к ст. 158 УК РФ. В юридической литературе под корыстной целью при хищениях понимают «стремление виновного к владению, пользованию или распоряжению похищенной вещью по своему усмотрению» [3], «мысленную модель обладания чужим имуществом для распоряжения им как своим собственным в полном объеме прав собственника» [3] или выводят ее определение, исходя из Примечания 1 к ст. 158 УК РФ [3].

Список литературы:

1. Бакрадзе А.А. Продолжаемое мошенничество: теория и практика // Безопасность бизнеса. 2019. № 2. С. 23-29.
2. Клепицкий И.А. Собственность и имущество в уголовном праве // Государство и право. 2018. № 5. С. 74-83.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13 июня 1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ ПО ДЕЛАМ О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ) В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Бодю Иван Иванович
студент
ФГБОУ ВО Саратовская государственная юридическая академия,
РФ, г. Саратов

Чубанов Никита Александрович
студент
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
РФ, г. Саратов

Прокошкина Надежда Ивановна
научный руководитель, канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданского процесса,
Саратовская государственная юридическая академия,
РФ, г. Саратов

Арбитражные суды Российской Федерации рассматривают экономические споры и другие дела, связанные с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности между соответствующими субъектами. Так, одной из категорий дел, подсудных арбитражным судам, являются дела о несостоятельности (банкротстве) физических или юридических лиц, посредством рассмотрения которых защищаются права кредиторов, нарушенных со стороны должника.

Федеральный закон от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [2], а также Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 года № 95-ФЗ [1] (Далее – АПК РФ) в ст. 46 и ст. 91 соответственно предусматривают возможность применения в отношении должника или кредитора обеспечительных мер, направленных на защиту прав и интересов упомянутых лиц. Стоит отметить, что целью соответствующих норм института обеспечения иска в арбитражном процессе, по мнению М.Е. Эрлиха, является определение и обеспечение баланса интересов участников процедуры несостоятельности (банкротства). При этом позиция данного автора исходит из той сути, согласно которой между участниками соответствующей процедуры устанавливается не равновесие интересов соответствующих субъектов, а их верное соотношение между собой [5].

Исследуя вопрос верного соотношения интересов субъектов арбитражного процесса рассматриваемой категории дел, следует отметить, что основной идеей введения в действие законодателем процедуры банкротства являлось не немедленная ликвидация организации, которая не справилась или не справляется с финансовыми трудностями, а предоставление возможности реабилитации бизнеса, поскольку сектор частных предпринимателей в России занимает значительную часть экономики страны. Помимо этого, необходимо постоянное поддержание «здоровой» конкуренции среди отечественных предпринимателей, стимулирование которой отчасти происходит за счет получения «второго шанса» соответствующими предприятиями и организациями. Таким образом, на практике деятельность любой организации должна быть комплексно и всесторонне изучена в целях исследования возможности восстановления ее платежеспособности и урегулирования дела о банкротстве до наступления конкурсного производства [4].

Перечень возможных обеспечительных мер представлен п. 1 ст. 91 АПК РФ. На практике наибольшее распространение получили такие виды, как наложение ареста на денежные

средства или иное имущество должника, а также запрет на совершение определенных действий арбитражным управляющим, связанных с правом распоряжения имуществом должника, в частности, запрет на совершение регистрационных действий в отношении имущества должника. При установлении последнего запрета судам следует уделить особое внимание имеющимся на тот момент обстоятельствам дела, поскольку в некоторых случаях возможен вариант введения временного управляющего не одновременно с наложением запрета на совершение действий, а значительно позже. В подобной ситуации без согласия арбитражного управляющего обеспечительные меры не могут быть введены, поскольку в складывающихся условиях должник напрямую лишается возможности совершения необходимых для его «реабилитации» сделок, что, несомненно, приводит к нарушению его прав и законных интересов как субъекта предпринимательской деятельности.

Еще одной проблемой, на которую судам при рассмотрении ходатайств о принятии обеспечительных мер следует обратить внимание, является учет соразмерности требований заявителя соответствующего ходатайства с общей суммой задолженности должника. Помимо этого, при принятии подобных решений не стоит оставлять без внимания также влияние введения запрета на деятельность других организаций, субъекта или ряда субъектов. На практике имеется случай, когда в игнорирование данных условий суд принял в качестве обеспечительной меры приостановление работы газопровода [3].

Наконец, тема обеспечительных мер в делах о несостоятельности (банкротстве) предусматривает возможность привлечения к субсидиарной ответственности иных лиц, помимо должника. Практика показывает, что цена исков подобных дел нередко достигает нескольких десятков миллионов рублей, в связи с чем жизнь лиц, которые на момент введения мер лишь подозреваются в факте доведения компании до банкротства, может быть полностью парализована. В связи с этим, предлагается освободить часть денежных средств, необходимых для ведения соответствующими ответчиками нормального образа жизни и хозяйственной деятельности, от ареста с целью недопущения нарушения их прав с соблюдением учета интересов кредиторов.

Таким образом, институт обеспечительных мер в арбитражном процессе представляет собой сбалансированный механизм защиты прав кредиторов с учетом интересов должника. При рассмотрении арбитражными судами дел о несостоятельности (банкротстве), а также ходатайств о принятии в отношении хозяйствующих субъектов обеспечительных мер, необходимо учитывать условия соразмерности заявляемых требований, влияние введения соответствующих мер на права и интересы не вовлеченных в процесс организаций, а также лиц, привлекаемых к субсидиарной ответственности.

Список литературы:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 года № 95-ФЗ (ред. от 07.10.2022) // Российская газета. 2002. № 137.
2. Федеральный закон от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (ред. от 28.06.2022) // Российская газета. 2002. № 209-210.
3. Тай Ю.В., Будылин С.Л. Обеспечительные меры. Как нам обустроить Россию?! // Вестник гражданского процесса. 2020. № 4. С. 89-130.
4. Чистопашина С.С. Аналитические процедуры выявления фиктивного и преднамеренного банкротства: автореф. дис. … канд. экон. наук. М., 2014. 25 с.
5. Эрлих М.Е. Конфликт интересов в процессе несостоятельности (банкротства): правовые средства разрешения: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2012. 23 с.

ОСНОВАНИЯ И ПОРЯДОК ПРИЗНАНИЯ ЗАВЕЩАНИЯ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМ

Борисенко Людмила Андреевна
студент,
Донской государственный технический университет,
РФ, г. Ростов-на-Дону

Понежин Михаил Юрьевич
научный руководитель, канд. юрид. наук, доцент,
Донской государственный технический университет,
РФ, г. Ростов-на-Дону

Аннотация. Недействительность завещания не лишает лиц, указанных в нем в качестве наследников или отказ получателей, права наследовать по закону или на основании другого, действительного, завещания.

Abstract. The invalidity of a will does not deprive the persons indicated therein as heirs or legatees of the right to inherit by law or on the basis of another valid will.

Ключевые слова: завещание, наследство, недействительность.
Keywords: testament, inheritance, invalidity.

Завещание может быть признано недействительным по общим основаниям, установленным законом для признания сделок недействительными.

Так, в зависимости от обстоятельств может быть признано недействительным завещание: не соответствующее закону или иным правовым актам; совершенное гражданином, не обладающим дееспособностью в полном объеме; совершенное гражданином, не способным понимать значение своих действий или руководить ими; совершенное под влиянием обмана, насилия, угрозы, составленное с нарушением формы и т.п.

Основанием недействительности завещания не могут служить описки и другие незначительные нарушения порядка его составления, подписания или удостоверения, если судом установлено, что они не влияют на понимание волеизъявления завещателя.

По общему правилу завещание должно быть составлено в письменной форме и удостоверено нотариусом. Удостоверение завещания другими лицами допускается в случаях, предусмотренных п. 7 ст. 1125 ГК РФ (должностными лицами органов исполнительной власти или органов местного самоуправления в предусмотренных законом случаях), ст. 1127 ГК РФ (лицами, перечисленными в статье, рассматривающей завещания, приравненные к нотариально удостоверенным) и п. 2 ст. 1128 ГК РФ (уполномоченными служащими банков, если речь идет о завещательных распоряжениях правами на денежные средства в банках).

Несоблюдение установленных ГК РФ правил о письменной форме завещания и его удостоверении влечет за собой недействительность завещания. Составление завещания в простой письменной форме допускается только в виде исключения в случаях, предусмотренных ст. 1129 ГК РФ, в частности, если гражданин находится в положении, явно угрожающем его жизни, и в силу сложившихся чрезвычайных обстоятельств лишен возможности совершить завещание в соответствии с установленными правилами ГК РФ, то он может изложить последнюю волю в отношении своего имущества в простой письменной форме.

На требования о признании завещания недействительным распространяются специальные сроки исковой давности по недействительным сделкам (ст. 181 ГК РФ). Требования о признании недействительным оспоримого завещания могут быть заявлены в течение одного года со дня, когда истец узнал об обстоятельствах, являющихся основанием для признания завещания недействительным. Срок исковой давности для требований о применении последствий ничтожной сделки или о признании ее недействительной с применением соответству-

ющих последствий установлен в 3 года, но в любом случае – не более 10 лет, при этом течение этого срока начинается со дня, когда началось исполнение завещания.

Согласно п. 5 ст. 1131 ГК РФ недействительность завещания не лишает лиц, указанных в нем в качестве наследников или отказополучателей, права наследовать по закону или на основании другого, действительного, завещания.

Завещание может быть признано недействительным только по решению суда и в строго определенных законом случаях, при этом отдельные недочеты текста завещания (отсутствие или неверное указание места и времени, описки) судом не учитываются при всей совокупности доказательств легитимности завещания.

Споры о недействительности завещания составляют значительное количество наследственных споров в суде. Им свойственны некоторые особенности. Так, например, невозможность такого спора до открытия наследства; особый субъектный состав, их разнообразие и и одновременно невозможность участия наследодателя; синтез юридических и этических аспектов спора; сложность доказывания, ведь уже нет наследодателя и т.д. Наибольшая эффективность судопроизводства по таким делам возможна в случае полного учета как законодателем, так и правоприменителями специфики собственно наследственных споров вообще и споров о недействительности завещания в частности.

Список литературы:

1. Абова Т.Е. Комментарий к Гражданскому кодексу РФ. Часть третья / Т.Е. Абова, М.М. Богуславский, А.Г. Светланова. – М.: Юрайт-Издат, 2019 г.
2. Каразбаев Р.Ф. Наследование по завещанию / Р.Ф. Каразбаев // Казанская наука. – 2019
3. Недействительность завещания, Мороко Я.А., Верещагина Л.Н., 2021 г.
4. Проблемы наследования по завещанию, Ахметова Альбина Талгатовна, Аминов Радмир Уралович, 2021 г.
5. Современные проблемы института наследства в РФ, Волков А.Л., 2020 г.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА СУБЪЕКТОВ РФ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ

Буркина Виктория Юрьевна
магистрант,
Тамбовский государственный университет
им. Г.Р. Державина,
РФ, г. Тамбов

Краснослободцева Наталия Кузьминична
научный руководитель, канд. юрид. наук, доцент,
доцент кафедры конституционного и международного права,
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
РФ, г. Тамбов

В настоящее время для современного российского общества одной из наиболее важных задач считается построение эффективного государства, преодоления проблем организации и функционирования системы органов государственной власти. Решение данной задачи требует совершенствования государственной гражданской службы, которая обязана лоббировать интересы социума.

Проведенный анализ нормативно-правовых актов федерального и регионального уровня дает возможность сделать умозаключение о том, что законодательная база, регламентирующая деятельность государственной гражданской службы требует совершенствования. Так, к примеру, на федеральном уровне приняты федеральные законы «О систем государственной службы РФ» и «О государственной гражданской службе РФ». Благодаря вышеуказанным законам в настоящее время формирование непосредственно института государственной гражданской службы приобретает черты профессионального управленческого аппарата; гражданская служба складывается как независимый вид государственной службы; строится система федеральной гражданской службы и гражданской службы субъектов РФ.

Таким образом, законотворцу следует сформировать в федеральном законе соответствующие конституционно значимым целям и задачам критерии, которые позволяют установить перечень должностей государственной гражданской службы субъекта РФ, определить их компетенции в соответствии с основами конституционного строя РФ и общими принципами организации представительных и исполнительных органов государственной власти.

Следовательно, вопросы совершенствования правового регулирования государственной гражданской службы в РФ получают особую значимость. В науке справедливо уделяется достаточно необходимое внимание тому, что действующее законодательство и основные направления развития и совершенствования государственной гражданской службы давно требуют существенных перемен и реформ, так как построение эффективной государственной гражданской службы зависит не только от высококвалифицированных кадров, но и внедрения новых форм профессионального развития гражданских служащих, в том числе предусматривающих использование информационно-коммуникационных технологий в целях обеспечения повышения качества кадровой и системной работы.

В свою очередь, Б. Габричидзе рассматривает государственную гражданскую службу через призму конституционного статуса государственного служащего относя его непосредственно к определенному государственному органу и его положению в системе государственного устройства в целом. При этом указывая на дифференциацию системы государственных органов. Следовательно, статус государственного служащего во многом определяется нормативно-правовыми актами в сфере регулирования вопросов о несении государственной службы, а также компетенцией самого органа государственной власти. Н. Богданова в своем исследовании по теме конституционно-правового статуса государственного слу-

жащего указывает на то, что существует несколько последовательных стадий по приобретению и обладанию этим статусом, а также же реализацией этого статуса при несении службы на базе того или иного органа государственной власти [1, С. 67-71].

Справедливо, А.А. Гришковец отмечает, что реформа государственной службы в РФ начала 21 века призвана бесповоротно изменить правовое положение государственного служащего по следующей схеме, а именно, наемный работник с трудовым правовым статусом, который имеет особенности правового положения, которые определены административным законодательством и обусловлены сферой осуществления должностных полномочий, государственно-гражданских служащих, которые обладают специальным административно-правовым статусом [2, с. 11].

Помимо этого, он предложил строго оценивать навыки и способности государственно-гражданских служащих во избежание подверженности коррупции и расколу целостности государственно-гражданского аппарата службы. Следовательно, таким образом проявляется возможность грамотно вести государственно-гражданскую службу в государстве. Профессор А.В. Гусев под государственной гражданской службой подразумевает публичный институт практического осуществления функций и задач государства с помощью профессиональной служебной деятельности, содержанием которой считаются оказание государственных услуг, обеспечение выполнения полномочий государственных органов и лиц, которые замещают государственные должности [3, с. 6]. Эта позиция представляется справедливой, так как носит межотраслевой, комплексный характер.

Необходимо уточнить, что в настоящее время не теряет свою актуальность мнение Ю.Н. Старилова о том, что ядром, основой административной реформы должно быть фундаментальное изменение законодательства о государственной службе [4, с. 11]. Значимым орудием обеспечения эффективности государственной службы служит, во-первых, прозрачность и гласность административных процедур в деятельности государственных служащих, во-вторых, переход от публичного управления, ориентированного на процесс, к публичному управлению, ориентированного на результат, в-третьих, признание принципа персональной (индивидуальной) ответственности государственных служащих за ненадлежащее исполнение собственных должностных обязанностей. Тем самым возникает необходимость детализирования административных процедур до уровня ответственных должностных лиц.

Но, как отмечает К.В. Давыдов, «на практике закрепленная в Законе о государственной гражданской службе модель должностных регламентов, насколько нам известно, фактически так и не появилась. Утвержденные федеральными органами исполнительной власти типовые формы должностных регламентов изобилуют бланкетными отсылками, что в свою очередь не позволяет норме раскрыть свою сущность. Для преодоления данной ситуации предполагается фактически сызнова разработать модели должностных регламентов, которые призваны конкретизировать и упорядочить служебные обязанности государственных служащих, которые замещают должности различных типов, и ввести методики разработки должностных регламентов и их пересмотра при модификации административных регламентов исполнения государственных функций либо предоставления государственных услуг» [5, с. 27].

В итоге, можно выделить отдельные юридические проблемы и обозначить способы их решения. Первая проблема, как представляется, заключается в неправильном законодательном определении правовой природы должностных регламентов. Систематическое толкование норм Закона о государственной гражданской службе дает возможность установить их в роли административных локальных актов (как правило, нормативного содержания). Вторая проблема состоит в том, что должностные регламенты императивно направлены на правовые явления, слабо разработанные в законодательстве и науке. Красочным примером может служить требование о включении в должностной регламент списка предоставляемых государственным служащим государственных услуг, но в настоящее время данная категория приобрела противоречивую характеристику. Усилия создания разнообразных «сводных» реестров государственных услуг некоторых федеральных органов исполнительной власти либо их групп пока не завершились успехом. Регламенты по своей природе не могут быть совершен-

ными. Хотя, представляется вероятным и разумным ввести в должностные регламенты не просто перечни государственных услуг, но и перечни государственных услуг и государственных полномочий, которые осуществляют определенные государственные служащие. Третья проблема связана с отсутствием наличия контроля за реформой системы должностных регламентов и инструкций. Поэтому не представляется возможным правовую оценку действиям должностных лиц. Поэтому, считается верным законодательно закрепить необходимость обеспечения возможности открытого доступа к текстам должностных регламентов государственных служащих.

Так вышеизложенные проблемы указывают на то, что, кроме прочего необходимо определить персональную дисциплинарную ответственность для руководителей «заинтересованных» исполнительных органов за непринятие надлежащих мер по внедрению должностных регламентов в соответствии с нормативно установленными сроками, в том числе сроками, которые определены программой развития и реформирования системы государственной службы Российской Федерации.

Таким образом, статистические данные показывают, что всего за 7 месяцев 2022 года в России зарегистрировано 24613 дел коррупционной направленности. Из общего количества дел коррупционной направленности больше всего зарегистрировано преступлений, связанных со взяточничеством – таких набралось 13252 дела. И количество дел, и количество привлечённых к ответственности лиц в среднем не превышает (и не снижено) аналогичных показателей за предыдущий отчётный период. Раскрываемость осталась на прежнем уровне, поэтому можно сделать вывод, что борьба с коррупционными явлениями в нашем обществе по-прежнему находится на высоком уровне.успешное развитие государственной службы возможно непосредственно на пути реформирования нормативно-правового обеспечения. Совершенствование правового обеспечения государственной гражданской службы является одной из главных и важнейших проблем современной теории и практики государственной службы, решение которой устанавливается нуждами внутреннего и внешнего политического развития государства.

Список литературы:

1. Калитина Ю. Реализация административной реформы в Саратовской области // Власть. 2017. № 12. С. 67–71.
2. Гусев А.В. Государственная гражданская служба РФ: проблемы правового регулирования. Автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук / А.В. Гусев. – Екатеринбург, 2009.
3. СЗ РФ. – 2012. – № 48. – Ст. 6744 // [Электронный ресурс] – режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
4. Гукова Ж.А. Совершенствование административно-правового статуса государственных гражданских служащих / Ж.А. Гукова // Административное право и процесс. – 2011. – № 5.
5. Старилов Ю.Н. Административная реформа в перспективе / Ю.Н. Старилов // Административное право и процесс. – 2011. – № 3.
6. Давыдов К.В. Должностные регламенты государственных гражданских служащих как элемент реформы государственной службы Российской Федерации: основные правовые проблемы // Административное право и процесс. 2011. № 4. С. 27-32.

ПРЕДМЕТ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Ермолаева Кристина Геннадьевна
студент,
Иркутский государственный университет,
РФ, г. Иркутск

Даровских Светлана Михайловна
научный руководитель,
Иркутский государственный университет,
РФ, г. Иркутск

Уголовное судопроизводство в отношении несовершеннолетних является одним из видов судопроизводств, которое содержит свои особенности в частности применительно к предмету доказывания.

По состоянию на январь-сентябрь 2022 года несовершеннолетними было совершено 1 732 особо тяжких преступлений, за аналогичный период 2021 года было совершено 1 362 особо тяжких преступления несовершеннолетними, за аналогичный период 2020 года было совершено 1 575 преступлений. Таким образом, можно сделать вывод о неоднозначности статистических показателей, количество преступлений, то возрастает, то снижается. В Челябинской области в 2020 году несовершеннолетним было совершено 91 особо тяжкое преступление, в 2021 году 60 особо тяжких преступлений, в 2022 году 64 особо тяжких преступлений. Это показатели только по одной категории дел, при этом существует тяжкие преступления и преступления средней тяжести, а также преступление небольшой тяжести. Категория особо тяжких преступлений была взята из-за особой опасности данных преступлений, при этом по иным категориям несовершеннолетние совершили гораздо больше преступлений [4].

Вышеуказанные обстоятельства обосновывают актуальность выбранной темы, поэтому законодатель и правоприменитель обязаны корректно формулировать предмет доказывания по делам, возбужденным в отношении несовершеннолетних.

Применительно к предмету доказывания нужно согласиться с мнением Е.И. Третьяковой: «Обстоятельства, подлежащие установлению и доказыванию по делам несовершеннолетних, представляют собой систему взаимосвязанных сведений о личности преступника и причинах, способствующих совершению преступлений, требующих всестороннего исследования, выявление и установление которых обеспечивает вынесение законного, обоснованного и справедливого приговора, принятия других предусмотренных законом мер для достижения максимального воспитательного воздействия судебного процесса в отношении несовершеннолетних.» [5].

В статье 73 УПК РФ указан предмет доказывания по любым категориям дел, в том числе в отношении несовершеннолетних, в пределах настоящей статьи нецелесообразно подробно указывать данный перечень.

Наибольший интерес в настоящем исследовании представляет тот предмет доказывания, который относится исключительно к преступлениям, совершенным несовершеннолетними, данный предмет подробно раскрывается в статье 421 УПК РФ.

В соответствии со ст. 421 УПК РФ при производстве предварительного расследования и судебного разбирательства по уголовному делу о преступлении, совершенном несовершеннолетним, наряду с доказыванием обстоятельств, указанных в статье 73 настоящего Кодекса, устанавливаются:

1) возраст несовершеннолетнего, число, месяц и год рождения;

2) условия жизни и воспитания несовершеннолетнего, уровень психического развития и иные особенности его личности;

3) влияние на несовершеннолетнего старших по возрасту лиц.

При наличии данных, свидетельствующих об отставании в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, устанавливается также, мог ли несовершеннолетний в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими [1].

Каждое из этих обстоятельств на стадии предварительного расследования, а после на стадии судебного разбирательства, необходимо выяснять применительно к каждому несовершеннолетнему, в случае, если преступление было совершено группой лиц. Возраст необходимо выяснять для того, чтобы не привлекать к уголовной ответственности лицо, которое не может быть привлечено к уголовной ответственности в силу возраста, а именно лицо до 14 либо до 16 лет. Второй и третий пункт необходимы в связи с тем, что цель наказания не только карательная, но также превентивная, поэтому, если суд либо следователь не будет устанавливать данные обстоятельства, то существует высокая вероятность рецидива. Например, если следователь установит, что воспитанием несовершеннолетнего никто не занимается, он вынужден жить в антисанитарных условиях, при этом родители либо иные законные представители поощряют преступное поведение несовершеннолетнего, то следователь должен сообщить об этом в органы опеки, а органы опеки должны инициировать гражданское дело о лишении родительских прав и помещение ребёнка в соответствующие учреждения.

Последний пункт является очевидным, он необходим для того, чтобы проверить несовершеннолетнего на предмет вменяемости, и в случае, если несовершеннолетний невменяем, то он должен быть освобождён от уголовной ответственности.

По мнению Диденко Н.С: «Анализируя судебную практику, приходим к выводу о том, что в рамках исследования условий жизни и воспитания несовершеннолетнего суд (судья) должен устанавливать следующие данные:

- о родителях несовершеннолетнего подсудимого (образовании, профессии, месте работы, моральных качествах, взаимоотношениях между взрослыми членами семьи, взаимоотношениях взрослых и детей, наличии конфликтных ситуаций, выполнении обязанностей родителями по воспитанию своих детей);
- об отношении детей к родителям, материально-бытовых условиях семьи, наличии у несовершеннолетнего имущества, самостоятельного заработка (его размеры);
- об окружении несовершеннолетнего, его связях, досуге, круге интересов, поведении дома и вне его;
- о вхождении несовершеннолетнего в различные формальные и неформальные группы и объединения, характер общения в этих группах, формы проведения свободного времени» [3].

Все эти обстоятельства указывают на причины совершения преступления несовершеннолетними. Последний пункт наиболее важен, так как если следователь выяснит, что несовершеннолетний состоит в каких-либо неформальных группах, то это позволит вовремя пресечь организованную преступность.

По мнению Брянской Е.В.: «Изучение следственной и судебной практики по уголовным делам несовершеннолетних показывает существование типичных ошибок в определении предмета доказывания и, как следствие, несоблюдение законных требований к процессу доказывания. Первая ошибка видится в том, что не исследуются значимые для расследования уголовного дела обстоятельства. … Расширение круга обстоятельств, собираемых и исследуемых по уголовному делу. Такой момент выступает первостепенной причиной волокиты при производстве по делу» [2].

Трудно не согласиться с мнением автора, так как отказ от исследования каких-либо доказательств может привести к невозможности установления некоторых фактов: причины совершения преступления, условия жизни и воспитания несовершеннолетнего. Данная ошибка возникает из-за неправильного представления уголовного дела, так как считается, первостепенным установить состав, а остальное не так важно, поэтому правоприменители «забывают» об особенностях обвиняемого. Вторая ошибка, которую выделил автор не существенна, в связи с тем, чем больше информации будет исследовано, тем больше вероятность получения новых доказательств.

Таким образом, в предмет доказывания по уголовным делам, возбужденным по отношению к несовершеннолетним входят не только обстоятельства, изложены в ст. 73 УПК РФ, но и те обстоятельства, которые указаны в ст. 421 УПК РФ. Несмотря на очевидность вышеуказанного вывода, правоприменитель регулярно игнорирует положения ст. 421 УК РФ и приравнивает предмет доказывания и состав преступления. Способствовать к минимизации количества подобных ошибок будет регулярное проведение повышения квалификации сотрудников правоохранительных органов.

Список литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ 2001. № 52.
2. Брянская, Е.В. Вопросы предмета доказывания по уголовным делам несовершеннолетних / Е.В. Брянская // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 3. С. 127-131.
3. Диденко, Н.С., Хайдаров, А.А. Особенности доказывания по делам несовершеннолетних на этапе судебного следствия в уголовном процессе России / Н.С. Диденко, А.А. Хайдаров // Юристъ – Правоведъ. 2014. № 4. С 60-69.
4. Предварительно расследовано особо тяжких преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии. URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения 23.11.2022).
5. Третьякова, Е.И. О предмете доказывания по делам несовершеннолетних / Е.И. Третьякова // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2017. № 4. С. 61-69.

КОМПЕНСАЦИЯ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА ПРИ НАРУШЕНИИ ЛИЧНЫХ НЕИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ

Кочанова Марина Ивановна
студент,
Негосударственное образовательное
частное учреждение высшего образования
"Московский финансово-промышленный университет
"Синергия" (филиал в г. Ухта),
РФ, г. Ухта

Багишев Олег Алексеевич
научный руководитель, канд. юрид. наук, доцент,
Негосударственное образовательное
частное учреждение высшего образования "Московский
финансово-промышленный университет "Синергия",
РФ, г. Москва

Аннотация. В статье рассматривается такой важный институт защиты личных неимущественных прав как компенсация морального вреда. Проведен краткий анализ вновь принятого постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2022 г. № 33, а также рассмотрены спорные вопросы в области правового регулирования и предложено включение более детальных положений в российское гражданское законодательство.

Ключевые слова: моральный вред, физические и моральные страдания, ущерб, компенсация.

Современный мир многогранен и динамичен и содержит огромное количество вступающих в него субъектов. В этой связи человек зачастую подвергается влиянию негативного воздействия со стороны окружающих, будь это незаконное увольнение, врачебная ошибка или распространение сведений, порочащих репутацию, честь, достоинство или деловую репутацию. Все это приносит вред человеку и может привести даже к разрушению личности.

Российское законодательство защищает нематериальные блага. Компенсация морального вреда является одним из институтов подобной защиты и значимым институтом гражданского права.

В этой связи в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ) законодатель закрепил дефиницию морального вреда как физические или нравственные страдания. В соответствии с ГК РФ действия, которыми причиняются данные страдания, нарушают личные неимущественные права или посягают на нематериальные блага, а также другие случаи, которые предусмотрены законом. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своем постановлении от 15 ноября 2022 года № 33 более детально разъяснил, что понимается под моральным вредом.

Стоит отметить, что вокруг данного определения складывается не мало споров и критики в научном сообществе, ведь законодательно дефиниция точно не определена. Так, например, Г.Р. Саидахмедова указывает, что моральным вредом являются не страдания гражданина, а последствия, вызывающие изменения в человеческой психике, которые препятствуют его обычному режиму жизнедеятельности. Однако данное мнение прямо противоречит позиции Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Он указал, что физическими страданиями можно назвать физическую боль вследствие причинения увечья, иного повреждением здоровья, либо заболевание, которое в том числе перенесено в результате нравственных страданий, ограничение возможности передвижения вследствие повреждения здоровья, неблагоприятные ощущения или болезненные симптомы.

Нравственными страданиями же являются страдания, которые относятся к душевному неблагополучию человека (например, чувства страха, унижения, беспомощности, стыда, разочарования, переживания в связи с утратой родственников, потерей работы и так далее). В новом постановлении Пленум детализировал правила назначения, способ и размер компенсации морального вреда судами, однако за ними все также остается право выбора при назначении или неназначении компенсации и выбора ее размера.

Данная тема научного исследования является как никогда актуальной, значение компенсации морального вреда очевидно, ведь право на жизнь, здоровье, честь и достоинство конституционно являются неотчуждаемыми от личности правами. Это свидетельствует об обязанности государства их эффективной охраны и защиты, быстрого и справедливого восстановления нарушенных прав. К указанной проблеме важно подойти комплексно с целью выработки предложений по усовершенствованию нормативной базы в данной сфере и практики ее применения.

Гражданские правоотношения, которые возникают при нарушении личных неимущественных прав личности, и, соответственно, в связи с компенсацией морального вреда, являются объектом научной исследовательской работы. Ее предметом же является совокупность норм гражданского права как отечественного, так и зарубежного, которые определяют содержание, порядок, способы, размеры, условия и особенности компенсации морального вреда в гражданском праве, а также правовая доктрина, мнения различных ученых и судебная практика в данной области.

Целью научного исследования является правовой, теоретический и практический анализ сущности морального вреда и его компенсации, а также проблем в гражданско-правовом регулировании общественных отношений с учетом современности.

Среди теоретиков в данной сфере можно выделить таких ученых как И.Д. Андреев, О.С. Иоффе, А.М. Эрделевский и другие. Нормативную же основу исследования составляет Конституция Российской Федерации, ГК РФ, федеральные конституционные и федеральные законы и другие нормативные правовые акты РФ и зарубежных государств. Практическую основу составляют решения Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации, обзоры судебной практики, решения судов общей юрисдикции Российской Федерации, судов отдельных иностранных государств.

В новом постановлении Пленума Верховного Суда РФ разрешается вопрос, стоит ли при назначении компенсации морального вреда учитывать материальное положение потерпевшего. Он отмечает, что суд может учесть тяжелое материальное положение ответчика, например, отсутствие заработка вследствие инвалидности, нахождение на иждивении детей-инвалидов и так далее, но это не может являться основанием для отказа в компенсации. Одновременно с этим Пленум отмечает, что важно соблюдать требования разумности и справедливости, то есть сумма компенсации должна соответствовать последствиям нарушения, быть соразмерной степени страданий, которые терпит гражданин, должна учитываться степень вины ответчика. Одновременно денежная сумма не может присуждаться в чрезвычайно малом и незначительном размере, если иное не указано в иске.

В целом данное постановление можно назвать грандиозным прорывом в данной области правового регулирования, ведь более детально разъяснены положения ГК РФ, условия компенсации, ее способы и размер, а также освещены отдельные случаи компенсации и процессуальные вопросы.

Между тем, спорные вопросы все же имеют место быть, например, среди научного сообщества зачастую встречаются предложения о назначении судебно-психологической экспертизы при назначении компенсации.

Таким образом, законодателю следует дать более развернутые критерии для определения морального вреда, установить условия компенсации, степень вины ответчика и физических и нравственных страданий, которые бы учитывались при назначении компенсации морального вреда. Думается, что детальное правовое регулирование данного вопроса позволило бы восполнить пробел в законодательстве в данной области.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 25.02.2022) // СП «КонсультантПлюс».
2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» // СП «КонсультантПлюс».
3. Саидахмедова Г.Р. Моральный вред: понятие // Молодой ученый. № 29. 2020 г.
4. Эрделевский А.М. Компенсация морального вреда в России и за рубежом. М., 2011. С. 56.

ОБЗОР НОРМЫ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УБИЙСТВО МАТЕРЬЮ НОВОРОЖДЕННОГО РЕБЕНКА И ЕЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Кузнецова Дарья Сергеевна
студент,
Тюменский государственный университет,
РФ, г. Тюмень

Пережогина Галина Владимировна
научный руководитель,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин,
Тюменский государственный университет,
РФ, г. Тюмень

Аннотация. В статье предпринята попытка исследования эволюции нормы об убийстве матерью новорожденного ребенка за последние сто лет на основании анализа статей предшествующих нормативных правовых актов, а также, приложены усилия к выявлению перспектив действующей нормы 106 УК РФ в ближайшем будущем.

Актуальность исследуемой темы не вызывает сомнений, так как в российской доктрине уголовного права имеется несколько точек зрений относительно статьи об убийстве матерью новорожденного ребенка, кроме того, данная статья в своем содержании имеет немало правовых пробелов и противоречий с иными нормами уголовного закона.

Ключевые слова: убийство матерью новорожденного ребенка, детоубийство, психотравмирующая ситуация.

Как правило, введение в действие той или иной нормы всегда вызывает немало дискуссий о ее правопонимании. Статья 106 УК РФ [13] как раз представляет собой яркий пример такого явления. Норма об ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка начала действовать с 01.01.1997 года со вступлением в силу ныне действующего УК РФ[13], который заменил собой УК РСФСР 1960 года [12].

Следует обратить внимание на то, что преступление совершенное матерью против собственного новорожденного ребенка не всегда выделялось в отдельную статью и являлось привилегированным видом убийства. Это объясняется отсутствием в законодательстве норм об охране здоровья ребенка и о правах женщин, касающихся принятия решений о материнстве, а также наличием института незаконнорожденных, то есть, детей рожденных вне брака и государственной поддержки одиноким матерям и родителям, воспитывающим детей в одиночку.

Так, например, в УК РСФСР 1922 [11] года и 1926 года [10] убийство матерью новорожденного ребенка наоборот считалось убийством с отягчающими обстоятельствами в силу того, что мать в понимании законодателя являлась тем единственным лицом, на котором лежала забота о беззащитном младенце, кроме того, как утверждает, А.А. Салахова [5], советское законодательство в те годы претерпело расцвет, государство особенно охраняло права детей и матерей. Но необходимо указать, что даже тогда с учетом государственной поддержки, суды не назначали высших мер наказаний для матерей-убийц, а в отдельных случаях, как указывает В.Б. Хатуев, «искусственно квалифицировали содеянное как оставление в опасности по статье 156 УК РСФСР 1926 года» [14].

Суды учитывали как моральное, так и физическое состояние матерей, а также обстоятельства способствовавшие совершению такого преступления – безденежье, порицание окружающих, этнические причины, негативное отношение отца ребенка к беременности и др., так как высшие судебные органы в своих предписаниях рекомендовали судам обращать

внимание на все ранее указанные факторы, но только в том случае, если мать ребенка была действительно в худшем положении. Так, например уголовно-кассационная коллегия Верховного Суда РСФСР в инструктивном письме № 2 от 22.11.1926 года указала: «если подобное преступление совершено впервые, следует назначить меру социальной защиты в виде лишения свободы на минимальные сроки и ставить вопрос о применении условного осуждения… Если, однако, преступление совершено достаточно культурной матерью и притом при сравнительно благоприятных материальных условиях, то уголовно-кассационная коллегия не видит никаких оснований для применения указанных выше мягких мер социальной защиты» [8, с. 28].

Новый УК РСФСР 1960 [12] года не содержал отдельной статьи об ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка. Отныне мать, убившая собственного младенца, несла ответственность за убийство без смягчающих или отягчающих обстоятельств по статье 103 УК РСФСР 1960 года [12], но только в том случае, если деяние не было совершено повторно, с особой жесткостью, либо с иными отягчающими признаками статьи 102 УК РСФСР 1960 года [12].

В ныне действующем УК РФ [13] такое преступление как убийство матерью новорожденного ребенка выделено законодателем в отдельную статью и отнесено к привилегированным видам убийств с учетом зарубежного и исторического опыта, а также оценки общественной опасности такого деяния.

К слову, нормативными правовыми актами, защищающими права детей, являются в первую очередь Конвенция ООН о правах ребенка от 20.11.1989 года [3] и Конституция РФ [4], которые содержат нормы о правах присущих каждому человеку от рождения, однако, законодатель проявляет толерантность к матерям-убийцам, обращая внимание на их особое психофизическое состояние. И, несмотря на то, что А.А. Салахова утверждает, что «наиболее жестоким, особенно с морально-этической точки зрения, является убийство матерью новорожденного ребенка» [5], с точки зрения законодателя такое деяние отнесено к преступлениям средней тяжести, то есть оно не представляет масштабной угрозы для общественной безопасности, что вполне возможно объяснить статистическими данными за последние пять лет. Так, за 2021 год по статье 106 УК РФ было осуждено 26 человек, из них 15 человек были осуждены к лишению свободы, 5 – к условному лишению свободы, 6 – к ограничению свободы. За 2020 год по статье 106 УК РФ было осуждено 29 человек, из них 11 человек были осуждены к лишению свободы, 9 – к условному лишению свободы, 9 – к ограничению свободы. За 2019 год по статье 106 УК РФ было осуждено 26 человек, из них 14 человек были осуждены к лишению свободы, 5 – к условному лишению свободы, 7 – к ограничению свободы. За 2018 год по статье 106 УК РФ было осуждено 33 человек, из них 13 человек были осуждены к лишению свободы, 14 – к условному лишению свободы, 4 – к ограничению свободы, к исправительным работам – 1, к 2 были применены принудительные меры. За 2017 год по статье 106 УК РФ было осуждено 42 человек, из них 23 человек были осуждены к лишению свободы, 13 – к условному лишению свободы, 6 – к ограничению свободы, к 4 были применены принудительные меры [1].

Судебная статистика указывает на существенное падение доли совершаемых преступлений против новорожденных, однако, не стоит забывать о предположительно высоком уровне латентности данного преступления. К сожалению, из-за отсутствия фиксации части преступлений нельзя указать точную степень латентности, но, существует немало проведенных исследований, доказывающих ее высокий уровень. Например, в учебном пособии А.Н.Попова [9, с. 6] описаны результаты опроса школьниц старших классов города Воронежа, шестьдесят три процента опрашиваемых указали, что им известны случаи убийства новорожденных, а половина из всех опрашиваемых девушек ответила, что с имеющимися сведениями они не обращались в правоохранительные органы.

Кроме того, А.С. Дубовик уверяет, что реальное количество убитых младенцев превышает официальную статистику в восемь раз [2]. Основываясь только на этих данных можно говорить о том, что уровень латентности в данном случае весьма высок и говорить о низкой

общественной опасности такого преступления невозможно. Более того, отнесение убийства матерью новорожденного ребенка к привилегированным убийствам противоречит требованию уголовного закона об учете малолетнего возраста убитого как квалифицирующего признака по пункту «в» части 2 статьи 105 УК РФ [13].

Первоначальная редакция УК РФ [13] применительно к статье 106 отличалась от нынешней редакции в части санкций. Так санкцией статьи об убийстве матерью новорожденного ребенка, действовавшей с 01.01.1997 года по 29.05.1998 год, являлось только лишение свободы на срок до пяти лет. В наши дни при назначении наказания у судебных органов есть выбор: назначение ограничения свободы от двух до четырех лет, либо назначение принудительных работ на срок до пяти лет или же назначение лишения свободы на тот же срок, что снова указывает на трансформацию отношения законодателя и общества в целом к матерям-убийцам.

В свою очередь само деяние может квалифицироваться по трем самостоятельным составам, которые нередко могут проявляться в комплексе: во время или сразу же после родов; в условиях психотравмирующей ситуации; в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости [13]. Вполне допустима ситуация нахождения женщины в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости и убийства ею собственного новорожденного ребенка во время родов. Вышеуказанные составы выделены законодателем по абсолютно разным основаниям: временной период, психическое состояние роженицы, обстановка, способствующая совершению преступления. Также, Ф.С. Сафуанов и Ю.А. Сарычева предлагают собственное разделение оснований на особое психофизиологическое состояние, особое эмоциональное состояние и психическое расстройство, не исключающее вменяемости [6] с отсылкой на часть 1 статьи 22 УК РФ [13], хотя отсылка на данную норму не совсем корректна в силу того, что ограниченная вменяемость в указанной статье это средство индивидуализации наказания, а не альтернативный признак как в статье 106 УК РФ [13].

Законодателем «презюмируется» состояние роженицы во время и после родов происходящих под влиянием гормональных и физических изменений, то есть подразумевается то, что женщина не может полностью осознавать свои действия, руководить ими и давать оценку последствиям от таких действий. Тем не менее, если говорить о беременной женщине, которая задолго до рождения ребенка начала готовиться к его убийству, то здесь и речи быть не может о возникновении «внезапного умысла» под воздействием гормонов. Однако суды, как правило, не обращают внимание на время возникновения у матери умысла убить ребенка и квалифицируют любое убийство совершенное матерью в период до 28 дней от рождения ребенка как убийство матерью новорожденного ребенка. Например, в описательно-мотивировочной части приговора Богучанского районного суда № 1-102/2018 от 20.06.2018 года по делу № 1-102/2018 [7] обращается внимание на то, что обвиняемая по статье 106 УК РФ [13] не желая появления ребёнка и с целью сохранить в тайне от родных и знакомых его рождение, реализуя возникший у неё преступный умысел, направленный на совершение убийства ребёнка сразу же после родов, приложила ладонь своей руки к лицу младенца, перекрыв дыхательные пути и поступление кислорода в лёгкие ребёнка и удерживала руку на лице ребёнка пока младенец не перестал подавать признаки жизни.

Из вышеуказанного следует, что обвиняемая скрывала от родственников свою беременность в том числе, а значит все девять месяцев своей беременности вынашивала план по избавлению от будущего ребенка, следовательно, такое основание, как временной период не принципиален при квалификации данного вида преступления и не может служить критерием для смягчения наказания в подобных случаях.

Также психотравмирующее воздействие на роженицу, как правило, не имеет доказательств о причинно-следственной связи с совершенным убийством новорожденного в приговорах судов. Того же мнения придерживаются и Ф.С. Сафуанов и Ю.А. Сарычева, обращая внимание на то, что «ситуацию можно признать психотравмирующей только после глубокого анализа смыслового восприятия внешних воздействий» [6], то есть только в рамках судебно-психиатрической экспертизы.

Что касается убийства новорожденного в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости, то здесь следует указать то, что это пограничное состояние психики. Данное основание законодателем сформулировано явно, так, при квалификации деяния следует обязательно учитывать то, что роженица не могла в полной мере осознавать то, что она делает, тем более не могла и думать о последствиях своих действий. Однако, как уже указывалось ранее в отличие от статьи 22 УК РФ [13], поведение роженицы в данном случае основывается не только на расстройстве, но и на взаимодействующем комплексе, обусловленном таким расстройством в связи с беременностью, родами, а также периодом после родов, и оно не может быть индивидуальным признаком преступления. Необходимо обратить внимание и на то, что, например, алкоголизм также является психическим расстройством, не исключающим вменяемости, но совершенное убийство новорожденного ребенка матерью с установленной алкогольной зависимостью уже не будет квалифицироваться по вышеуказанному основанию, так как расстройство не вызвано беременностью, родовым или послеродовым периодом.

Перспективы статьи 106 УК РФ [13] можно разделить по четырем разным направлениям:

- во-первых, исключение статьи из УК РФ [13] и ужесточение наказания за убийство новорожденных детей матерями, так как невозможно отнести данное преступление к преступлениям средней тяжести по морально-этическим соображениям, а также, сопоставляя его с преступлением указанным в пункте «в» части 2 статьи 105 УК РФ [13];
- во-вторых, объединение психического состояния роженицы непосредственно с процессом родов и исключение последних двух составов из статьи;
- в-третьих, основываясь на опыте Республики Беларусь, возможно произвести исключение состава, указывающего на обстановку, способствующую совершению преступления и объединение первых двух составов;
- в-четвертых, основываясь на опыте Республики Казахстан, возможно произвести объединение составов преступления, выделенных законодателем в один.

Однако выделенные перспективы не ограничивают внесение иного рода изменений в статью. Так, статью требуется дополнить понятиями временных рамок «новорожденный», «во время родов», «сразу же после родов», нормами об убийстве матерью нескольких детей при многоплодных родах, а также, с учетом современных реалий, понятием «суррогатная мать».

Таким образом, подводя итоги по данному исследованию, следует сделать вывод о том, что за последние сто лет статья о преступлении совершенном матерью против собственного новорожденного ребенка несколько раз меняла свое место в российском уголовном законодательстве. Не всегда данное деяние являлось привилегированным видом убийства и выделялось в отдельную статью. Так с 1922 года и до 1960 года убийство матерью новорожденного ребенка наоборот считалось убийством с отягчающими обстоятельствами. А начиная с 1960 года и до вступления в силу первоначальной редакции УК РФ [13], мать, убившая собственного младенца, несла ответственность за убийство без смягчающих или отягчающих обстоятельств, но только в том случае, если деяние не было совершено повторно, с особой жестокостью, либо с иными отягчающими признаками. Однако в наши дни преступление выделено законодателем в отдельную статью и отнесено к привилегированным видам убийств. На то есть немало причин: зарубежный и исторический опыт, а также оценка общественной опасности данного деяния.

Тем не менее, несмотря на то, что статистика указывает на существенное падение доли совершаемых преступлений против новорожденных, невозможно согласиться с тем, что данное преступление менее опасно, чем простое убийство, не стоит забывать и о высокой степени латентности такого противоправного деяния.

Отношение законодателя и общества к матерям-убийцам за последние 25 лет также трансформировалось. Если изначально санкцией статьи об убийстве матерью новорожденного ребенка являлось только лишение свободы на срок до пяти лет, то сейчас у судебных органов есть выбор.

В ходе исследования было выяснено, что само деяние может квалифицироваться по трем самостоятельным составам, которые нередко могут проявляться и в комплексе. Кроме того, был проведен обзор каждого состава и были сделаны выводы, что временной период не принципиален при квалификации данного вида преступления и не может служить критерием для смягчения наказания, психотравмирующее воздействие на роженицу, как правило, не имеет доказательств о причинно-следственной связи с совершенным убийством новорожденного, а поведение роженицы основывается не только на расстройстве, но и на взаимодействующем комплексе, обусловленном таким расстройством в связи с беременностью, родами, а также периодом после родов, и оно не может быть индивидуальным признаком преступления.

Итогом проделанной работы стали выделенные перспективы статьи 106 УК РФ [13] и рекомендации по предотвращению иных существующих пробелов в статье, таких как отсутствие понятий, отсутствие норм об убийстве матерью нескольких детей.

Список литературы:

1. Агентство правовой информации: Судебная статистика РФ. –URL: https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/ (дата обращения: 27.10.2022).
2. Дубовик А.С. Установление психотравмирующей ситуации при убийстве матерью новорожденного ребенка // Вестник науки и образования. 2019. № 16 (70). С. 41 – 45.
3. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989). Ратифицирована Постановлением ВС СССР 13.06.1990 № 1559-1. – Доступ из справочно-правовой системы «Консультант плюс». – Режим доступа: по подписке.
4. Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993):по сост. на 01.07.2020 // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 31. –Ст. 4398.
5. Салахова А.А. Современные аспекты убийства матерью новорожденного ребенка / А.А. Салахова // Молодой ученый. – 2021. – № 45 (387). – С. 89-92. – URL: https://moluch.ru/archive/387/85212/ (дата обращения: 01.12.2022).
6. Сафуанов Ф.С., Сарычева Ю.А. Психотравмирующая ситуация как признак состава преступления по ст. 106 УК РФ (Убийство матерью новорожденного ребенка) / Ф.С. Сафуанов, Ю.А. Сарычева // Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 193–207. – URL: https://psyjournals.ru/psyandlaw/2021/n2/Safuanov_Sarycheva_full.shtml (дата обращения: 01.12.2022).
7. Судебные и нормативные акты РФ: Приговор Богучанского районного суда (Красноярский край) № 1-102/2018 от 20.06.2018 г. по делу № 1-102/2018. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/lhR8SR3ThJru/ (дата обращения: 30.11.2022).
8. Уголовное право. Особенная часть: Преступления против личности / Пионтковский А.А. – М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1938. – 136 с.
9. Уголовно-правовая характеристика преступления, предусмотренного статьей 106 Уголовного кодекса Российской Федерации «Убийство матерью новорожденного ребенка» : учебное пособие / А.Н. Попов. – СанктПетербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2021. – 136 с.
10. Уголовный кодекс РСФСР от 19.02.1926 г. // СУ РСФСР. – 1926. – № 80. – Ст. 600.
11. Уголовный кодекс РСФСР от 25.06.1922 г. // СУ РСФСР. – 1922. – № 15. – Ст. 153.
12. Уголовный кодекс РСФСР от 27.10.1960 г. // Ведомости ВС СССР. – 1960. – № 40. – Ст. 591.
13. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ по сост. на 24.09.2022 // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
14. Хатуев В.Б. Эволюция уголовного законодательства России об ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка / В.Б. Хатуев // Lex Russica. 2019. №1 (146). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-ugolovnogo-zakonodatelstva-rossii-ob-otvetstvennosti-za-ubiystvo-materyu-novorozhdennogo-rebenka (дата обращения: 30.11.2022).

СИСТЕМА СРЕДСТВ ДОКАЗЫВАНИЯ В ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ, НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАКТИКИ

Лапшин Владислав Викторович
студент,
Южно-Уральский государственный университет,
РФ, Челябинск

Аннотация. В статье раскрывается система средств доказывания, применяемых на досудебных стадиях уголовного процесса. Автором акцентируется внимание на дискуссионных вопросах, исследуемых в научной среде, относительно отдельных средств доказывания. Детальному исследованию подлежат проблемы законодательного регулирования средств доказывания, применяемых при расследовании преступлений. По результатам анализа выявленных проблем, сформулированы рекомендации и предложения по их разрешению.

Ключевые слова: доказывание, оперативно-розыскная деятельность, проверочное действие, следственное действие, уголовный процесс.

Актуальность темы настоящего исследования заключается в том, что проблема доказывания и доказательств в уголовном процессе является одной из центральных как на уровне правоприменительной практики, так и на доктринальном уровне. Средства доказывания имеют огромное практическое значение, ввиду того, что именно с помощью них осуществляется сбор доказательств по уголовному делу. При этом, несмотря на большое значение средств доказывания при расследовании и раскрытии преступлений, тем не менее, остаются неразрешенными некоторые проблемы в исследуемой сфере. Проблемы системы средств доказывания существуют как в теоретической, так и в законодательной, практической плоскостях.

На доктринальном уровне дискуссионным является вопрос о понятии средств доказывания. Так, одни авторы в качестве таковых признают сами доказательства [1, с. 72]. По мнению других ученых под средствами доказывания необходимо понимать действия, совершаемые уполномоченными должностными лицами, направленные на получение информации доказательственного характера [4, с. 90]. Также в научной среде можно встретить подход, заключающийся в том, что средства доказывания представляют собой источники доказательства [2, с. 113].

Таким образом, в научной среде можно встретить различные подходы к раскрытию сущности и содержания понятия «средства доказывания». Однако, обратившись к справочным источникам, можно установить, что под средствами доказывания понимаются орудия, используемые для реализации определенного вида деятельности. Если применить вышеуказанное определение к уголовно-процессуальной деятельности, то следует вывод о понимании в качестве средств доказывания, прежде всего, доказательств.

Система средств доказывания является многокомпонентной и включает в себя следующие элементы: следственные действия; иные процессуальные действия следователя (например, направление запросов); проверочные действия на стадии возбуждения уголовного дела; оперативно-розыскные мероприятия; действия иных, невластных участников уголовного процесса (в первую очередь, защитника); действия, проводимые в рамках других видов деятельности (в частности, административно-правовые).

В системе средств доказывания центральное место занимают следственные действия. Их перечень и процессуальный порядок производства закреплены на уровне УПК РФ. В отношении отдельных следственных действий законодатель предусмотрел возможность их производства до возбуждения уголовного дела. В их числе: осмотр, освидетельствование, назначение и производство судебной экспертизы. При этом, в научной среде учеными отмечается необходимость расширения перечня следственных действий, проводимых до возбуж-

дения уголовного дела, в частности, за счет включения в него следственного эксперимента [3, с. 142].

С одной стороны, перевод следственного эксперимента в разряд следственных действий, проводимых на стадии возбуждения уголовного дела, на практике предоставит возможность более точно установить признаки преступления, установить наличие оснований для возбуждения уголовного дела. С другой стороны, установить факт совершения преступления для последующего возбуждения уголовного дела возможно и посредством производства других следственных действий, которые допускаются на данной стадии. В производстве экспериментальных исследований на данной стадии предварительного расследования нет необходимости.

На наш взгляд, следственный эксперимент не следует переводить в разряд следственных действий, проводимых на стадии возбуждения уголовного дела. Законодатель допускает возможность производства отдельных следственных действий на данной стадии уголовного процесса для установления факта совершенного преступления. Следственный эксперимент проводится уже в рамках расследования уголовного дела и если законодательно предусмотреть возможность его производства на стадии возбуждения уголовного дела, то сотрется грань между отдельными и самостоятельными стадиями уголовного судопроизводства.

В системе средств доказывания также самостоятельное место занимают оперативно-розыскные мероприятия. На уровне норм действующего уголовно-процессуального законодательства РФ не раскрывается механизм использования результатов оперативно-розыскной деятельности в процессе доказывания при расследовании уголовных дел. В отношении данного средства доказывания законодатель только в общих чертах предусмотрел запрет на использование результатов оперативно-розыскной деятельности, если они не соответствуют требованиям, предъявляемым к доказательствам (ст. 89 УПК РФ). Суды при оценке доказательств, сформированных на основе проведенных оперативно-розыскных мероприятий, также руководствуются только ст. 89 УПК РФ [6].

Как свидетельствует анализ материалов правоприменительной практики оперативно-розыскные мероприятия относительно иных средств доказывания, предусмотренных нормами УПК РФ, зачастую характеризуются большими познавательными возможностями и активно проводятся при расследовании преступлений. Так, например, в ходе расследования преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 260, п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ (два эпизода) было проведено оперативно-розыскное мероприятие «наблюдение». Документы, отражающие проведение ОРМ, составлены в соответствии с требованиями закона. Результаты ОРМ рассекречены и предоставлены в порядке, предусмотренном законом [5].

На уровне межведомственного приказа утверждена Инструкция о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд от 27 сентября 2013 г. № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68. На уровне данного приказа закреплены требования, предъявляемые к результатам ОРД, а также процедура их предоставления органам предварительного расследования и судебным органам. Вместе с тем, сам порядок использования результатов ОРД в ходе доказывания законодательно не урегулирован, что следует признать пробелом действующего уголовно-процессуального законодательства РФ, нуждающимся в устранении.

Одним из средств доказывания также являются проверочные действия, проводимые на стадии возбуждения уголовного дела. Перечень проверочных действий законодательно закреплен в ч. 1 ст. 144 УПК РФ. Анализ данного законоположения не позволяет однозначно установить – является ли данный перечень проверочных действий исчерпывающим или нет. В научной среде мнения ученых по вышеуказанному вопросу разделились. Так, одни авторы полагают, что данный перечень является полным и не подлежит расширительному толкованию, другие ученые считают, что на стадии возбуждения уголовного дела могут быть проведены и иные проверочные действия, предусмотренные другими законами [1, с. 80]. Также учеными неоднозначно оценивается самостоятельное доказательственное значение проверочных действий. В этой связи, заслуживает внимания подход В.Ю. Стельмаха. Как спра-

ведливо отмечает ученый доказательственное значение проверочных действий непосредственно зависит от их правовой природы и законодательной регламентации. Так, одни проверочные действия могут иметь доказательственное значение, а другие – только ориентирующее значение. Так, например, перекресный опрос, исследования объектов, не имея законодательной регламентации, достаточно часто проводятся на практике и имеют только ориентирующее значение [4, с. 95].

Таким образом, в ходе уголовно-процессуального доказывания применяются различные средства, направленные на проведение полного и качественного расследования по уголовному делу. Несмотря на большое значение системы средств доказывания в ходе уголовно-процессуальной деятельности, остаются неразрешенными некоторые теоретические вопросы, также существуют проблемы их законодательного регулирования. Предложенные в рамках проведенного исследования рекомендации позволят усовершенствовать систему средств доказывания как в теоретическом, так и в нормативно-правовом аспектах.

Список литературы:

1. Афанасьев, А.Ю. Восхождение к механизму уголовно-процессуального доказывания / А.Ю. Афанасьев // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2019. – № 4. – С. 72 – 82.
2. Бегова, Д.Я. К вопросу об использовании результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве / Д.Я. Бегова // Закон и право. – 2022. – № 4. – С. 113 – 115.
3. Стельмах, В.Ю. Проблемы нормативной регламентации следственного эксперимента / В.Ю. Стельмах // LEX RUSSICA. – 2021. – № 4. – С. 142 – 154.
4. Стельмах, В.Ю. Понятие и система средств доказывания в уголовном судопроизводстве / В.Ю. Стельмах // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2016. – № 6 (194). – С. 90 – 96.
5. Приговор Ленинского районного суда г. Нижнего Тагила Свердловской области от 22 июля 2020 г. по делу № 1-77/2020. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/FYVK7wZkArlr/ (дата обращения: 18.09.2022).
6. Приговор Первомайского районного суда г. Омска Омской области от 09 июля 2020 г. по делу № 1-272/2020. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/1BvBRVjyYpgX/ (дата обращения: 18.09.2022).

УЧАСТИЕ АДВОКАТА-ЗАЩИТНИКА В ДОКАЗЫВАНИИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Малыхина Карина Гариковна
студент,
ФГАОУ ВО Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
РФ, г. Белгород

Черкасова Елена Анатольевна
научный руководитель, канд. юрид. наук,
доцент кафедры уголовного права и процесса Юридического института ФГАОУ ВО Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
РФ, г. Белгород

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению вопросов участия адвоката – защитника в процессе доказывания по уголовным делам. Определяется значение результатов участия адвоката-защитника в доказывании, а также способы, посредством которых оно осуществляется. Анализируются факторы, позволяющие считать адвоката-защитника полноценным участником процесса собирания, проверки и оценки доказательств на каждом из этапов уголовного судопроизводсва.

Ключевые слова: уголовный процесс, адвокат-защитник, доказывание в уголовном деле, субъекты доказывания, права адвоката, доказательство.

Доказывание занимает важное место в уголовном процессе вне зависимости от стадии, на которой оно протекает. С помощью данного процесса осуществляется выяснение обстоятельств, имеющих значение для дальнейшего производства по делу.

Понятие «доказывание» сформулировано как законодателем, так и учеными-процессуалистами.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ в ст. 85 устанавливает, что доказывание состоит в собирании, проверке и оценке доказательств в целях установления обстоятельств, предусмотренных Кодексом.

Как отмечает С.А. Шейфер, доказывание – это «получение доказательств и оперирование ими в целях воссоздания действительной картины изучаемого события» [6, С. 16].

По мнению Н.В. Савельевой, «доказывание – это подтверждение какого-нибудь положения, полученного знания фактами, доводами, которые должны быть доступны не только самому познающему (лицу, осуществляющему судопроизводство), но и убедительны для других участников уголовного судопроизводства» [5, С. 6].

Исходя из данных определений мы можем сделать вывод о том, что в уголовно-процессуальном праве доказывание – это трудоемкий процесс, имеющий сложную структуру.

Одним из важнейших элементов доказывания являются субъекты, участвующие в процессе собирания, проверки и оценки доказательств. Именно на них законом возложены права и обязанности по выявлению любых обстоятельств действительности, имеющих отношение к конкретному уголовному делу.

В современной доктрине уголовно-процессуального права ведутся дискуссии по поводу лиц, которых можно отнести к субъектам, осуществляющим уголовно-процессуальное доказывание, а также их прав и обязанностей. Наиболее острые споры возникают, когда речь идёт об осуществлении адвокатом-защитником своих прав в уголовно-процессуальном доказывании и значении результатов его деятельности.

Сложности в данном вопросе вытекают из того, что законодательство не совсем ясно определяет роль и место защитника в установлении доказательной базы путем собирания, проверки и оценки полученных сведений. «Опираясь на законодательные положения, юристы начали активно разрабатывать одну из главных проблем деятельности адвоката – проблему самостоятельного собирания доказательств в уголовном процессе» [1, С. 72].

Согласно ч.3 ст. 86 УПК РФ адвокат-защитник обладает правом на участие в процедуре собирания доказательств в установленном законом порядке.

Важно при этом обратить особое внимание на положения, сформулированные в законе. В отличие от стороны обвинения, на адвоката не возложена обязанность собирания доказательств. Он вправе собирать доказательства, необходимые для юридической помощи.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ закрепил перечень действий, посредством которых защитник может осуществлять собирание доказательств. К ним относятся:

1) получение предметов, документов и иных сведений;
2) опрос лиц с их согласия;
3) истребование справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые обязаны предоставлять запрашиваемые документы или их копии.

Необходимо подчеркнуть, что при совершении перечисленных действий адвокат-защитник не может использовать принуждение как способ получения каких-либо сведений.

Также законодательство не закрепляет порядок осуществления процесса собирания доказательств данным лицом. Реализуя свои права в области уголовно-процессуального доказывания, защитник должен руководствоваться общими требованиями, предъявляемыми к процессуальной форме, и принципами уголовно-процессуального права.

Наиболее интересный вопрос заключается в том, что «в результате опроса адвокатом с его согласия не формируется доказательство по уголовному делу, и прежде всего потому, что отсутствует законодательное закрепление порядка проведения и фиксации результатов опроса, а также гарантий соблюдения процессуальной формы получения этих сведений. Отличие допроса от опроса заключается уже в том, что допрос – это следственное действие, которое обеспечивается государственным принуждением, опрос таковым не является. Дача показаний на допросе в большинстве случаев – обязанность, при опросе – лишь право» [3, С. 66].

Помимо этого при запросе адвоката сообщить какие-либо сведения, касающиеся дела, рассматриваемого в порядке уголовного судопроизводства, лицо, к которому был направлен запрос, вправе отказать в сообщении информации или выдаче документов.

Некоторые сложности возникают и в формировании адвокатом доказательной базы. Для того, чтобы полученные сведения стали доказательствами по конкретному делу, адвокат может обратиться с ходатайством о приобщении сведений, документов или предметов к материалам уголовного дела На практике это вызывает определенные затруднения в связи с тем, что в некоторых случаях может последовать немотивированный отказ в удовлетворении ходатайства.

Справедливо отмечает И.М. Ершова, что «адвокат не обладает какими-либо властными полномочиями, которые он мог бы реализовать в целях доказывания; результаты деятельности адвоката в рамках оценки доказательств могут быть выражены только в форме ходатайств, которые, в свою очередь, в некоторых случаях могут повлиять на исход рассмотрения уголовного дела» [2].

Перечисленные аспекты, на наш взгляд, сильно усложняют деятельность адвоката, направленную на оказание квалифицированной юридической помощи.

Несмотря на многие суждения по данному вопросу, адвоката следует считать полноценным субъектом уголовно-процессуального доказывания, исходя из законодательного закрепления его прав в данной сфере, а также возможности самостоятельного участия защитника в собирании, проверке и оценке доказательств.

Нельзя не согласиться с мнением И.М. Ершовой о том, что перед адвокатом не стоит выбор – собирать или не собирать доказательства, иначе будет нарушено конституционное

право каждого на получение квалифицированной юридической помощи, опровержено определение защитника, закрепленное в ст.49 УПК РФ, как лицо, осуществляющее в установленном порядке защиту прав и интересов и как следствие – нарушена состязательность сторон» [2].

Таким образом, проблема участия адвоката-защитника в процессе доказывания является наиболее острой для уголовно-процессуального права. Наделение адвоката правом участия в процессе установления доказательной базы, с одной стороны, определило его, как субъекта доказывания, а также еще больше упрочнило принцип состязательности сторон, но с другой стороны, усложнило путь его реализации. Законодательство уделило недостаточное внимание закреплению четкой процессуальной формы, порядку проведения процесса собирания доказательств и фиксации сведений, полученных в результате его осуществления.

Список литературы:

1. Давлетов А.А. Адвокатское расследование: миф или реальность? / А.А. Давлетов // Судебная власть и уголовный процесс. 2020. № 1. С. 71-47.
2. Ершова И.М. Участие адвоката-защитника в уголовно-процессуальном доказывании. – [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: https://петроград.78.мвд.рф/document/21529929 (Дата обращения 27.11.2022)
3. Копейкина И.В. Собирание доказательств адвокатом в уголовном судопроизводстве // Научный журнал 2021. № 3 (58). С. 65-68
4. Окруадзе Г.М. К проблеме реализации прав адвоката-защитника на собирание доказательств в уголовном процессе // Молодой ученый. 2015. № 3 (83). С. 663-666.
5. Савельева Н.В. Проблемы доказательств и доказывания в уголовном процессе : учеб. пособие / Н.В. Савельева. – Краснодар : КубГАУ, 2019. 95с.
6. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М.: НОРМА, 2009. 240 с.

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВА РЕБЕНКА НА ЗАЩИТУ ОТ НЕГАТИВНОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ПОТОКА

Мингазова Алина Раилевна

студент,
Учреждение высшего образования
Университет управления «ТИСБИ»,
РФ, г. Казань

Информация является главной естественной потребностью человека. Человек с древних времен искал и создавал информацию об окружающем мире, тем самым прошел тернистый путь от мифа до научной картины мира, величайших произведений искусства и норм нравственности.

Еще совсем в недалеком прошлом информационное пространство ребенка защищалось и регулировалось родителями и учителями. Ведь, несовершеннолетие ребенка порождает не только преимущественное право родителя на воспитание, образование, но, прежде всего, возлагает на него обязанности по обеспечению определенных условий для развития ребенка [1, с.310]. Относительно легко поддавались контролю родителей телевизионные каналы, которые смотрел ребенок или книги и даже круг общения ребенка. Соответственно, проблема негативного контента решалась легко, быстро и сама собой.

Киберпространство перенесла большие изменения в последние 20-25 лет. И оно уже больше никогда не станет прежним. Главной причиной является технический прогресс. Конечно, в современном мире информационное поле является гигантским образовательным, развлекательным и познавательным ресурсом который прежде всего необходим для всестороннего развития современного ребенка. Вместе с тем стремительное развитие информационных технологий заставило современное поколение столкнуться с совершенно новыми вызовами, которые оказывают вредоносное влияние, разрушительно воздействуют на психическое, физическое, духовное и нравственное развитие детей.

Таким образом, социализация через такие традиционные институты как семья и школа все активнее дополняется средствами массовой информации.

Вместе с тем именно Интернет является сегодня главным источником противозаконного контента. По данным анализа медапотребления детей и подростков Роскомнадзора:

- более трети детей 9-16 лет сталкивались в сетях с материалами сексуального характера;
- каждый второй ребенок 11-16 лет сталкивался в Интернете с угрозами физическому здоровью, пропагандой насилия и расовой ненависти;
- треть российских школьников лично получали сообщения сексуального характера в Интернете;
- каждый десятый ребенок подвергался кибербулингу (виртуальной травле, опасной агрессии киберсреды) [2, с.7].

Соответствующее нормативно-правовое регулирование должно разрешать проблемы контентной фильтрации с учетом запрещенных категорий сайтов и возраста юного пользователя Интернета.

Обеспечение информационной безопасности детей является общепризнанным принципом международного права. Конвенция ООН о правах ребенка, в статьях 13 и 17 провозглашая обязанность государства обеспечивать право доступа детей к информации, которая способствует их полноценному разностороннему развитию, в то же время требует от государств введения соответствующих ограничений для доступа детей к информации, которая способна причинить вред их здоровью и развитию.

Федеральный закон от 29.12.2010 №436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющий вред их здоровью и развитию» является основным базовым нормативно-правовым актом в сфере обеспечения информационной безопасности. Данный Закон регулирует отношения, связанные с защитой детей от информации, причиняющий вред их здоровью и (или) развитию.

Ключевым законодательным актом в сфере интернет-безопасности также является Федеральный закон от 27.07.2006 №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации». Принципиальное значение имеет Федеральный закон от 28.07.2012 №139-ФЗ, который внес изменения в основной закон. Это так называемый «Закон о черных списках в Интернете», принятие которого, по мнению ряда критиков и скептиков, должно было повлечь парализацию работы Рунета.

Закон регламентирует порядок работы Единого реестра доменных имен, указателей страниц сайтов в сети Интернет и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайт в сети Интернет, содержащие информацию, распространение которой в России запрещено. Сегодня он выполняет роль «скальпеля, вырезающего вредные области информации в Интернете» и достаточно успешно функционирует.

На сегодняшний день главными проблемами российского общества в сфере детства в области конструирования информационного пространства признаются:

- недостаточная эффективность имеющихся механизмов обеспечения и защиты прав и интересов детей, в том числе неисполнение международных стандартов в области прав ребенка;
- нарастание новых рисков, связанных с распространением информации, представляющей опасность для детей;
- несоответствие современной системы обеспечения информационной безопасности детей новым рискам, связанным с развитием сети Интернет и информационных технологий, нарастающему противоправному контенту [3, с.16].

Согласно статье 20 Закона государственный надзор за соблюдением законодательства Российской Федерации о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию, осуществляют в пределах своей компетенции Минсвязи, Роскомнадзор, Рособрнадзор и др.

Необходимо отметить, что прокуратура РФ играет также очень важную роль в механизме государственного контроля и надзора в сфере информационной безопасности детей.

Так, прокурором Азнакаевского района в суд направлено заявление в интересах неопределенного круга лиц о признании информации, размещенной на интернет странице запрещенной. Решением суда от 26 октября 2018 г. по делу № 2А-1231/2018 административное исковое заявление Азнакаевского городского прокурора было удовлетворено, а информация, размещенная на интернет страницах запрещенной [4].

Тем не менее пробелов действующего законодательства достаточно. Например, перечень видов информации, причиняющих вред здоровью и развитию детей не доработан и его необходимо уточнить. Так, практика требует расширение этого перечня и включения в него вредных игр. К сожалению, действующее законодательство не предусматривает мер защиты детей от вредной информации причиняющий вред здоровью и психическому развитию детей, которую могут нести детские игры и игрушки.

Кроме того закон не распространяется на сувенирную продукцию и предметы детского обихода, на которой нередко видны знаково-опознавательная артрибутика эротического характера, а также наркопотребления. Это различные аксессуары, такие как детские сумочки, косметички тд.

Вместе с тем имеются некоторые проблемы практического применения закрепленных в законе «возрастной» классификации и маркировки информационной продукции. К сожалению, производители игрушек не всегда могут объективно оценить степень опасности для детей.

Необходимо отметить и факт отсутствия юридической ответственности за размещение запрещенной для детей информации. Так, если противоправность материалов с порнографическими изображениями несовершеннолетних, информация о наркотических средствах и психотропных веществах закреплены законодательно, то вот пропаганда суицида федеральным законодательством не запрещена. В этой связи целесообразно устранить пробел посредством внесения изменений в действующее законодательство Российской Федерации.

В заключении хотелось бы отметить, что контентная фильтрация разработана не для того, чтобы запрещать, а для защиты детей от вредной информации. Поэтому любые меры по ограничению доступа ребенка к информации должны преследовать исключительно интересы самого юного пользователя Интернета.

Список литературы:

1. Тагаева С.Н. Правовая природа ответственности родителей // Семья и семейные ценности в РФ: социально-правовой аспект: мат. межд. науч.-практ. конф., приуроченной к юбилею доктора юридических наук, профессора Ю.Ф. Беспалова. М., 2019. С.306-311.
2. Отчёт об итогах деятельности роскомнадзора по профилактике нарушений обязательных требований за 2018 год [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://rkn.gov.ru/docs/Otchjot_ob_itogakh_dejatel6nosti_Roskomnadzora_po_profilaktike_narushenij_objazatel6nykh_trebovanij_za_2018_god.docx- (Дата обращения: 12.02.2022).
3. Удачина Г.Л. Правовые аспекты обеспечения права ребенка на защиту от негативной информации//Сборник материалов Республиканского форума в защиту детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию, К., 2016. 108с.
4. Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/IZXChK0CdTmj/

ОСОБЕННОСТИ ВЫЯВЛЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ СИНТЕЗИРОВАННЫХ НАРКОТИКОВ

Парфенов Дмитрий Сергеевич
магистрант,
Стерлитамакский филиал Уфимский университет науки и технологий,
РФ, г. Стерлитамак

Сакаева Эльвира Зинуровна
научный руководитель, канд. экон. наук, доцент,
Стерлитамакский филиал Уфимский университет науки и технологий,
РФ, г. Стерлитамак

Наркомания как негативное социальное явление в обществе представляет реальную угрозу не только для государства, но и для всего мира в целом. Обоснованность такого утверждения, как правило, не требует дополнительной аргументации. Всем известно о вреде наркотических средств на организм человека. Лечение наркозависимых лиц в большинстве случаев бесполезно, с ними перестают общаться знакомые, родственники и близкие. Им тяжело куда-либо трудоустроится, поскольку никто не хочет иметь дело с наркоманом. Регулярное потребление наркотиков требует постоянное наличие немалых денежных средств, что само по себе является стимулятором к совершению различного рода преступлений. Например, стоимость 1 дозы героина составляет в среднем от 100 до 300 руб., а потреблять его нужно каждый день не менее 2 – 3 доз. Согласно полученным данным в ходе опроса сотрудников МВД 84% привлекаемых к уголовной ответственности лиц за совершение корыстных преступлений (ст. 158, 159, 161, 162 УК РФ) являются активными потребителями различных наркотиков.

Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 15 июня 2006 г. N 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» не дает каких-либо разъяснений относительно особенностей правовой оценки групповых форм соответствующих преступных проявлений (исключением является положение, содержащееся в п. 15.1, относительно признания посредника соисполнителем сбыта), однако изучение следственной и судебной практики свидетельствует о наличии определенных затруднений.

Действия лица, приобретающего наркотические средства для личного потребления, предварительно склонившего сбытчика к их пересылке (либо оказавшего содействие пересылке путем дачи советов, указаний или иным способом, либо организовавшего пересылку), следует квалифицировать по соответствующей части ст. 228 УК как незаконное приобретение наркотических средств (при условии их значительного размера). Например, А. посредством сети Интернет договорился с Б., находящимся в другом населенном пункте, о приобретении у него наркотического средства в значительном размере для личного потребления. А. сообщил Б., что это средство необходимо направить ему в почтовом отправлении на его имя, предоставив при этом Б. свои полные данные и адрес своего места жительства. Затем А. почтовым переводом направил Б. денежные средства в качестве оплаты. В приведенной ситуации действия Б. следует квалифицировать по п. "б" ч. 3 ст. 228.1 УК как незаконные сбыт и пересылку наркотических средств в значительном размере, действия А. – по ч. 1 ст. 228 УК как приобретение наркотических средств [2,с.24].

Получение следователем сведений о местах сбыта наркотических средств синтетического происхождения может осуществляться и при производстве по уголовным делам других категорий. Например, в ходе предварительной беседы или допроса по преступлению, не связанному с наркотическими средствами, лицо сообщает следователю информацию о местах сбыта синтезированных наркотиков, что не относится к обстоятельствам, способствующим совершению преступления расследуемого уголовного дела [1, с.15]. В этом случае следова-

тель сообщает установленные сведения оперативному работнику или участковому уполномоченному, которые в пределах своих компетенций имеют право провести проверку на достоверность информации, определить собственника территории, на которой производятся наркотические средства.

Рассматривая создание условий, необходимых для обнаружения, раскрытия и пресечения преступлений, на примере незаконного сбыта наркотических средств, необходимо подробно разобрать саму их специфику документирования до возбуждения уголовного дела. Выявление этих преступлений в основном происходит путем проведения комплекса оперативно-разыскных мероприятий (далее – ОРМ): проверочная закупка; оперативный эксперимент, суть которого заключается в создании условий, необходимых для совершения конкретных преступных действий. Надо отметить, что создание таких условий не относится к криминалистическому предупреждению, поскольку является полем оперативно-разыскной деятельности (далее – ОРД).

Сопутствующую отрицательную роль в осложнении оперативной обстановки на территории всей России играет такой фактор, как распространение наркомании среди несовершеннолетних, подростков и взрослых лиц. Не зря уголовным законодательством предусматривается ответственность за склонение к потреблению наркотических средств и их аналогов (ст. 230 УК РФ). В качестве субъектов данного преступления выступают наркозависимые лица [4, с.413]. За потребление наркотиков предусматривается только административная ответственность по ст. 6.9 и 20.20 КоАП РФ, где в качестве наказания применяется штраф или административный арест до 15 суток включительно. Однако этого явно недостаточно для оказания воспитательного и профилактического воздействия. Лишь изоляция от общества наркоманов способна переломить сложившееся положение. Поэтому предупреждение преступлений, связанных со склонением к потреблению наркотиков, целесообразно осуществлять путем избрания в отношении подозреваемого меры пресечения только в виде заключения под стражу.

Квалифицируя содеянное как сбыт наркотических средств, совершенный группой лиц по предварительному сговору, также необходимо устанавливать наличие минимум двух соисполнителей, учитывая при этом, что в соответствии с п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. N 14 под незаконным сбытом понимается незаконная *деятельность лица, направленная на реализацию* наркотических средств другому лицу. Важные разъяснения относительного того, какие именно действия следует считать направленными на реализацию наркотических средств другому лицу, также содержатся в указанном Постановлении. Таким образом, как соисполнительство в сбыте следует расценивать, в частности [3]:

- действия лиц, передающих приобретателю наркотические средства по просьбе (поручению) другого лица, которому они принадлежат (п. 15.1);
- действия лиц, сообщающих о месте хранения наркотических средств приобретателю и (или) проводящих закладки в обусловленном с ним месте (п. 13);
- действия лиц, которые в целях осуществления умысла на незаконный сбыт наркотических средств приобретают, хранят, перевозят, изготавливают, перерабатывают эти средства (п. 13.2).

Вменение квалифицирующего признака, предусмотренного п. "а" ч. 3 ст. 228.1 УК, исключается, если один из двух соисполнителей добровольно отказался от совершения преступления и (или) принял участие в соответствующем оперативно-розыскном мероприятии.

Так, Н. вступил в преступный сговор с А. на незаконный сбыт психотропного вещества. Впоследствии А. добровольно отказался от преступной деятельности и, желая оказать содействие в изобличении другого лица, принял участие в оперативном эксперименте. Н., действуя согласно взятым на себя обязательствам, полагая, что совершает преступление совместно с А., в целях сбыта приобрел психотропное вещество. В дальнейшем в рамках проведения оперативно-розыскного мероприятия Н. был задержан, в ходе проведения личного досмотра у него обнаружено и изъято психотропное вещество – смесь, в состав которой входит

амфетамин, массой 3,713 г. Исключая из осуждения Н. по ст. 228.1 УК квалифицирующий признак "совершение преступления группой лиц по предварительному сговору", президиум областного суда указал, что этот вид соучастия подразумевает совместное совершение преступления, которое, в свою очередь, предполагает непосредственное участие каждого из соисполнителей в выполнении объективной стороны состава преступления. В соответствии с ч. 1 ст. 31 УК прекращение лицом приготовления к преступлению либо прекращение действий (бездействия), непосредственно направленных на совершение преступления, если лицо осознавало возможность доведения преступления до конца, признается добровольным отказом от преступления. При таких обстоятельствах говорить о том, что Н. совершил преступление совместно с другим лицом, не приходится В результатах оперативно-разыскной деятельности, которые представляются для принятия решения о возбуждении уголовного дела, необходимо, чтобы содержались достаточные сведения, которые указывают на признаки совершенного преступления (когда, где, какие признаки и какого преступления были обнаружены, имевшие место обстоятельства обнаружения признаков преступления, данные о лицах, совершивших преступления (в случае, если они установлены), очевидцах преступления), а также о любых других обстоятельствах, которые имеют значение для уголовного дела.

Представление результатов оперативно-разыскной деятельности органу дознания, следователю, прокурору или в суд осуществляется на основании постановления руководителя органа, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность [5, с.182].

Возможность представления результатов оперативно-разыскной деятельности, которые содержат сведения об организации и тактике проведения оперативно-разыскных мероприятий, а также используемых технических средствах, штатных негласных сотрудниках оперативно-поисковых и оперативно-технических подразделений, необходимо согласовывать с исполнителями данных мероприятий.

Проверив полученные результаты оперативно-разыскной деятельности на предмет их соответствия требованиям закона, следователь (дознаватель) принимает меры к приданию им доказательственного значения, в связи с чем изучает документы, составленные в ходе проведения ОРМ; изъятые предметы и средства могут быть приобщены в качестве вещественных доказательств либо иных документов

В итоге можно отметить, что одним из главных доказательств, которые подтверждают факт совершения незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, является правильное документальное оформление всех обстоятельств обнаружения и изъятия вышеуказанных веществ, при этом неукоснительно должны быть соблюдены все нормы действующего законодательства.

Список литературы:

1. Елинский И.В. О некоторых вопросах содержания проверочной деятельности в стадии возбуждения уголовного дела / И.В. Елинский // Российский следователь. 2019. № 6. С. 14 – 16.
2. Куртынов И.В. Организация доследственной проверки и расследования незаконного оборота наркотических средств: Учеб. пособие / И.В. Куртынов, А.А. Коловоротный, Д.Г. Скориков. Волгоград: Изд-во ВА МВД России, 2021. 88 с.
3. Пупцева А.В. Особенности и порядок назначения судебных экспертиз при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков / А.В. Пупцева, Д.Г. Скориков // Современные проблемы науки и образования. 2018. № 1. URL: www.science-education.ru/121-18512 (дата обращения: 15.11.2022).
4. Хоршева В.С. Эволюция уголовного преследования за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ / В.С. Хоршева // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. № 12 (80). С. 412 – 415.
5. Шавкарова Е.Е. Образцы процессуальных документов: Учеб. пособие / Е.Е. Шавкарова, Д.Г. Скориков, Д.В. Васильев, А.А. Бутко. Волгоград: Изд-во ВА МВД России, 2021. 284 с.

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА БЕЗНАЛИЧНЫХ ДЕНЕГ

Петросян Мариам Геворговна
студент,
Института права,
Уфимский университет науки и технологий,
РФ, г. Уфа

Балаян Луиза Арсеновна
студент,
Института права,
Уфимский университет науки и технологий,
РФ, г. Уфа

Фаизова Кристина Александровна
научный руководитель, ассистент
кафедры финансового и экологического права,
Института права, Башкирский государственный университет,
РФ, г. Уфа

Аннотация. В данной статье будет подробно рассмотрена правовая природа безналичных денег,

Ключевые слова: Производство по делам, связанным с выполнением функций содействия и контроля в отношении третейских судов; исполнительный лист; третейский суд; третейский судья; арбитражный суд.

Рассмотрев вопрос правовой природы безналичных денег , можно заметить ,что на данный момент безналичные средства пользуются большим спросом ,чем наличные , доказательством этому свидетельствует статистика, размещенная на официальном сайте Федеральной службы гос. статистики РФ.

Законодательство точного определения деньгам не дает, а так же правовой статус не определен.

Но в ст. 128 ГК РФ говорится,что деньги являются разновидностью вещи.

А так как общеизвестно, что вещь материальный предмет, представляющий материальную ценность,значит можно сделать вывод,что к деньгам относятся только наличные деньги(банкноты,монеты) об этом говорится в ст. 29 ФЗ от 10 июля 2002 г. N°86-ФЗ "О Центральном Банке Российской Федерации . Но в то же время в ст. 140 ГК определяется, что платежи могут осуществляться как наличным так и безналичным способом.

Таким образом, безналичные денежные средства имеют законную платежную силу наравне с наличными деньгами.

Анализируя мнения цивилистов по теме безналичных денежных средств,приходишь к двум противоположным позициям :

1. безналичные деньги -это особая форма денег.
2. безналичные денежные средства-это обязательное право требования клиента к банку. Данная позиция ,нам более близка .

На наш взгляд, будет заслуженно внести в качестве самостоятельного определение понятия «безналичных денег», так как есть его правовые нормы в отдельных нормативных актах, а так же в ГК РФ.

Таким образом, мы отмечаем, что единая точка зрения по поводу правовой природы безналичных денег отсутствует, и по этом причине появляется неурегулированность данной проблемы на законодательном уровне.

По этой причине есть необходимость изменить современное законодательство по поводу безналичных денег и закрепить его в качестве отдельного понятия.

Список литературы:

1. Гражданское право. Т. 2, полутом 2 / под ред. Е.А. Суханова. М., 2005.
2. ФЗ "О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)"
3. Гражданский кодекс Российской Федерации
4. Лунц Л.А. Деньги и денежные обязательства в гражданском праве. М., 1999.
5. Указ Президента РФ от 18 июля 2008 г. № 1108 "О совершенствовании гражданского законодательства".
6. Ефимова Л.Г. Правовые проблемы безналичных денег // Хозяйство и право. 1997. № 1

ПРОИЗВОДСТВО ПО ДЕЛАМ, СВЯЗАННЫМ С ВЫПОЛНЕНИЕМ ФУНКЦИЙ СОДЕЙСТВИЯ И КОНТРОЛЯ В ОТНОШЕНИИ ТРЕТЕЙСКИХ СУДОВ

Петросян Мариам Геворговна
студент
Института права, Уфимский университет
науки и технологий,
РФ, г. Уфа

Азаматова Ленара Ленисовна
научный руководитель, канд. юрид. наук, доцент,
Института права, Башкирский государственный университет,
г. Уфа, Россия

Аннотация. В данной статье будет подробно рассмотрено производство по делам, связанным с выполнением функций содействия и контроля в отношении третейских судов, проблемы, возникающие в связи с применением данного института, возможность и способы решения данных проблем, путем усовершенствования законодательства и иных механизмов.

Ключевые слова: Производство по делам, связанным с выполнением функций содействия и контроля в отношении третейских судов; третейский суд; третейский судья; арбитражный суд.

Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации содержит в себе раздел 6 «Производство по делам, связанным с выполнением функций содействия и контроля в отношении третейских судов» [1]. Он затрагивает вопросы о производстве по делам об оспаривании решений третейских судов, о выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение решений третейских судов и о делах, связанным с выполнением судами функций содействия в отношении третейских судов.

В Российской Федерации институт третейских судов является далеко не самым востребованным средством разрешения споров между двумя субъектами экономической деятельности. Данное обстоятельство порой препятствует увеличению количества дел, рассмотренных в третейских судах. Это бы в значительной степени снизило нагрузку на систему арбитражных судов Российской Федерации. Однако у предпринимателей и представителей юридических лиц не вызывает доверия такой способ внесудебного разбирательства, поэтому они предпочитают обращаться в арбитражный суд. На это есть ряд обоснованных причин.

Во-первых, основной причиной недоверия является некомпетентность некоторых арбитров. Требования для кандидата в арбитры третейского суда существенно заниженные, по сравнению с требованиями для арбитражного судьи. Они содержатся в ст. 11 Федерального закона от 29.12.2015 N 382-ФЗ (ред. от 27.12.2018) "Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации" [2]. Зачастую арбитрами являются обычные юристы, у которых нет большого объёма знаний и опыта в разрешении споров. Когда решения таких лиц не соответствуют требованиям закона, они обжалуются в арбитражном суде, что не только не уменьшает нагрузку на них, а наоборот увеличивает.

Во-вторых, практически отсутствует возможность оспорить решение по существу. Довольно ограничены основания для обжалования. Учитывая, что многие третейские суды являются внутрикорпоративными, или включены в договор с помощью арбитражной оговорки только с целью принятия решения в пользу лица, добавившего оговорку, в случае возникновения спора, обжалование такого решения будет либо чересчур долгим и сложным, либо невозможным вовсе.

В-третьих, у каждого третейского суда существует свой регламент, в соответствии с которым действует данный суд. Именно отсутствие единого стандарта может привести ко

множеству проблем, например, в регламенте может быть прописано, что арбитр может откладывать дело неограниченное количество раз.

Совокупность этих и некоторых других недостатков законодатель стремится решить с помощью внедрения нового вида производства – производство по делам, связанным с выполнением функции содействия и контроля в отношении третейских судов. В нем регулируются вопросы содействия третейским судам – к функциям содействия третейскому разбирательству относятся вопросы, связанные с назначением, отводом и прекращением полномочий третейского судьи, а также вопросы о принятии обеспечительных мер и получении доказательств. А контроль за третейским разбирательством включает в себя оспаривание решений арбитражей и выдачу исполнительных листов. Так же суды могут проверить, возможна ли передача спора на разрешение третейского суда, а также является ли арбитражное соглашение действительным и исполнимым [3].

Рассматривая данный вид производства с этой точки зрения становится ясно, что оно необходимо для поддержания стабильного и здравого функционирования института третейских судов, так как их деятельность обеспечена защитой со стороны системы арбитражных судов и в случае несоответствия действий арбитра или третейского суда требованиям закона можно разрешить вопрос в государственном суде. Однако на частоту использования и популярность третейских судов существенно это не влияет. С помощью вмешательства арбитражных судов увеличить востребованность данного способа внесудебного разбирательства не получилось.

Однако у юристов существует и другая точка зрения. Чем сильнее законодатель привязывает деятельность третейских судов к контролю со стороны системы арбитражных судов, тем больше они теряют свою независимость, которая и является определяющим фактором, благодаря которому третейский суд не включен в судебную систему Российской Федерации. Он является независимым, а контроль происходит только в случае нарушения закона.

Данная противоречивость, присущая институту третейских судов в России, требует большей проработанности и самостоятельности, но при этом им необходимо оставаться независимыми, конфиденциальными и объективными. Необходимо проработать правовую основу регламентов третейских судов и изменить требования к арбитрам, чтобы достигнуть максимальной эффективности деятельности третейских судов.

Производство по делам, связанным с выполнением функции содействия и контроля в отношении третейских судов в полной мере выполняет свою процессуальную функцию как вид производства в гражданском процессуальном праве, но не смотря на это для всей системы третейских судов оно может обернуться негативными последствиями – потерей авторитета третейских судов, излишнему контролю со стороны арбитражных судов и отсутствием необходимости в третейских судах, так как стороны вполне могут обратиться к медиатору для решения спора или прибегнуть к иным досудебным способам, а так же сразу обращаться в арбитражный суд, в виду отсутствия стремления прибегнуть к иным способам защиты своих прав и интересов.

Можно сделать вывод, что третейское судопроизводство преследует цели профессионального и скорейшего разрешения дела. Но пока что законодатель не может гарантировать такое рассмотрение спора в любом третейском суде, при том, что предпринимателям дана возможность выбора. Это является неоспоримым преимуществом. Контроль за действиями третейских судов со стороны системы арбитражных судов также не может заметно улучшить их эффективность, в следствие чего наиболее рациональным решением в данной правовой ситуации видится постепенное улучшение законодательства в области производства по делам, связанным с выполнением функций содействия и контроля в отношении третейских судов. Однако все последствия могут быть установлены только спустя некоторое количество времени, когда данная практика будет более изучена и проработана с доктринальной и законодательной стороны.

Список литературы:

1. "Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации" от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 30.12.2021, с изм. от 10.03.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.02.2022) [Электронный ресурс].URL: http://www.pravo.gov.ru/ (дата обращения: 29.03.2022).
2. Федеральный закон "Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации" от 29.12.2015 N 382-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс].URL: http://www.pravo.gov.ru/ (дата обращения: 29.03.2022).
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ "О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража" от 10.12.2019 N 53 (последняя редакция) [Электронный ресурс].URL: http://www.pravo.gov.ru/ (дата обращения: 29.03.2022).
4. Алешукина С.А. К вопросу об унификации законодательства о третейских судах в свете разработки нового процессуального кодекса // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2015. № 2. С. 67-71.
5. Треушников М.К. Гражданский процесс/ – Москва: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 2013. – 454 с.

ОТВОД СУДЬИ ПРИ ЕДИНОЛИЧНОМ РАССМОТРЕНИИ ДЕЛА В ХОЗЯЙСТВЕННОМ ПРОЦЕССЕ

Солдатенко Виктория Александровна
студент,
Белорусский государственный экономический университет,
Республика Беларусь, г. Минск

Рудь Полина Игоревна
студент,
Белорусский государственный экономический университет,
Республика Беларусь, г. Минск

Прохорчик Олег Анатольевич
научный руководитель,
ассистент кафедры гражданско-правовых дисциплин,
Белорусский государственный экономический университет,
Республика Беларусь, г. Минск

Для формирования действенного механизма обеспечения справедливого правосудия и надлежащей защиты прав граждан каждая судебная система должна основываться на принципе независимости и беспристрастности судей. Данный принцип закреплён в ст. 60 Конституции Республики Беларусь: «Каждому гарантируется защита его прав и свобод компетентным, независимым и беспристрастным судом в порядке и сроки, определенные законом» [1]. Основной гарантией, обеспечивающей практическую реализацию принципа независимости и беспристрастности судей, является институт отвода и самоотвода судей. Сущность данного института отражается в наличии законодательно закреплённого механизма устранения судей, независимость и беспристрастность которых поставлена под сомнение.

Исходя из важности вышеупомянутого принципа, представляется необходимым изучить механизм его реализации, сравнив институт отвода судей в гражданском и хозяйственном процессе. Важным является вопрос о том, кто разрешает отвод судье при единоличном рассмотрении дела, так как именно пробелы в данном вопросе зачастую нарушают принцип независимости и беспристрастности судей. Так, в гражданском процессе отвод, заявленный судье, который рассматривает дело единолично, разрешается самим судьей (ч. 3 ст. 35 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ГПК) [2]. Более детально данный вопрос рассматривается в хозяйственном процессе: вопрос об отводе судьи решается председателем суда, рассматривающего экономические дела, или его заместителем (ч. 2 ст. 37 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ХПК) [3].

В связи с этим возникает вопрос: может ли судья, рассматривающий отвод на себя же, объективно оценить свою заинтересованность и объективность в деле? Для подробного рассмотрения этого вопроса следует обратиться к проекту Кодекса о гражданском судопроизводстве (далее – Проект) для того, чтобы понять, как в дальнейшем законодатель видит разрешение данного вопроса и не противоречит ли ситуация, когда судья рассматривает отвод на самого себя, принципу независимости и беспристрастности судей.

П. 1 ст. 37 Проекта устанавливает, что отвод, заявленный судье, который рассматривает дело единолично, разрешается самим судьей [4]. В связи с чем можно сделать вывод, что при регулировании данного вопроса законодатель основывается на нормах ГПК. Хотя, по нашему мнению, прогрессивным является отвод судьи при единоличном рассмотрении дела в хозяйственном процессе, когда отвод такого судьи рассматривает не он, а председатель суда, рассматривающего экономические дела, или его заместитель.

Представляется возможным, что при составлении проекта законодатель руководствовался принципом процессуальной экономии (ст. 13 ХПК). Действительно, когда судья рас-

сматривает отвод на самого себя, это экономит значительное время, так как для этого не требуется привлечения других лиц, минуя ситуации, когда председатель экономического суда либо его заместитель, например, могут быть заняты. Однако в противовес этому возникают ситуации, когда судья, который самостоятельно принимает решение об отводе себя же, не может объективно оценить своё отношение к делу и к участникам процесса, особенно тех, от кого поступило заявление об отводе судьи, в связи с чем не может принять объективное решение об отводе исходя из личных мотивов.

Таким образом, в новом кодексе следует детализировать процедуру рассмотрения заявления об отводе судьи и принятия решения, позволяющей участникам процесса не только высказать своё мнение об отводе судьи, но и принимать участие в доказывании наличия оснований для отвода. При этом стоит ограничить судью в рассмотрении вопроса о его отводе наличием права на самоотвод, а для отвода судьи, рассматривающего дело единолично, привлекать другого судью, что, несмотря на возможные временные затраты, в полной мере будет способствовать всестороннему, полному и объективному разрешению дела.

Список литературы:

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г.,17 октября 2004 г. и 27 февраля 2022 г.) [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
2. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 11 января 1999 г., № 238-З: принят Палатой представителей 10 декабря 1998 г. : одобр. Советом Респ. 18 декабря 2018 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 27 мая 2021 г. № 113-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
3. Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 15 декабря 1998 г. № 219-З: принят Палатой представителей 11 ноября1998 г. : одобр. Советом Респ. 26 ноября 2018 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 27 мая 2021 г. № 113-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
4. Правовой форум Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://forumpravo.by/. – Дата доступа: 27.11.2022.

ТЕРРОРИЗМ КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Рябова Карина Сергеевна
студент
Астраханского государственного технического университета,
РФ, г. Астрахань

Картабаева Алина Ахатовна
студент
Астраханского государственного технического университета,
РФ, г. Астрахань

Байрамбекова Айшат Насруллаевна
научный руководитель, старший преподаватель
кафедры «Правоведение» Астраханского государственного технического университета,
РФ, г. Астрахань

TERRORISM AS A THREAT TO NATIONAL SECURITY IN THE MODERN WORLD

Karina Ryabova
Student
of Astrakhan State Technical University,
Russia, Astrakhan

Alina Kartabaeva
Student of Astrakhan State Technical University,
Russia, Astrakhan

Aishat Bayrambekova
Scientific director,Senior Lecturer
of the Department of Jurisprudence of Astrakhan State Technical University,
Russia, Astrakhan

Аннотация. Актуальность данной статьи обуславливается тем, что терроризм – это явление не единичного характера, от которого страдает не конкретное государство, а весь мир. Терроризм, как угроза национальной безопасности, имеет весьма сложное и неоднозначное содержание. Вызвано это тем, что международные сообщества и организации трактуют поразному понятие «терроризма», однако, очевиден факт того, что такой термин связан с насилием, жестокостью, ущемлением прав.

Данное исследование посвящено всеобщей борьбе с представленным негативным явлением, которое ежегодно подрывает общественной строй и порядок государственной власти.

Abstract. The relevance of this article is due to the fact that terrorism is not a single phenomenon, from which not a particular state suffers, but the whole world. Terrorism, as a threat to national security, has a very complex and ambiguous content. This is due to the fact that international communities and organizations interpret the concept of "terrorism" in different ways, however, it is obvious that such a term is associated with violence, cruelty, infringement of rights.

This study is devoted to the universal struggle against the presented negative phenomenon, which annually undermines the social system and the order of state power.

Ключевые слова: терроризм, национальная безопасность, порядок, насилие, благополучие, интересы общества, защиты населения, государство.

Keywords: terrorism, national security, order, violence, well-being, interests of society, protection of the population, the state.

Пристальное внимание, которое уделяется национальной безопасности во всех странах, вполне естественно, так как речь идет о сохранение внутреннего и внешнего порядка жизнедеятельности всего человечества.

В Истории нашего государства имеются примеры, которые показывают весь негатив и всю опасность террора, как явления масштабного и насильственного. Например, захват школы в Беслане – погибло 330 человек; оккупация здания «Норд-Оста» в Москве – погибло 129 человек и масса других терактов в разный период времени.

Также стоит уделить внимание примерам из зарубежных стран: самый крупный за всю историю человечества теракт произошел в США в 2001 году – захват самолетов, а затем атаки на Всемирный торговый центр и Министерства обороны. В результате чего погибло около 3000 тысяч человек; Испания – серия взрывов в метрополитенах, погибло 191 человек.

В связи с этим государства должны как-то реагировать и принимать меры по профилактике терроризма, пресекать его на стадии планирования. Так в 2015 году 31 декабря вступил в силу Указа Президента РФ № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [1], который закрепляет основные положения по борьбе с терроризмом, а также объявляет данное явление одной из основных угроз государственной и общественной безопасности. Документ также четко прописывает об опасностях, которые несет в себе терроризм. К таким относятся: насильственное изменение конституционного строя РФ; дестабилизация органов государственной власти; уничтожение или нарушения функционирования военных и промышленных объектов, объектов жизнеобеспечения населения и многое другое.

Терроризмом, как угрозой национальной безопасности, начали интересоваться в РФ всерьез только с конца XX века. Обуславливается это тем, что на этот период времени приходится самая большая цикличность и эпизодичность террористических акций и атак.

В начале исследования говорилось о том, что понятие «терроризм» – явление неоднозначное, так как имеет массу трактовок. Однако, существует общая концепция признаков и направленности такого негативного явления, по которым его можно охарактеризовать [5, 13-18].

1. Терроризм – это направление, которое выражается через насилие, целью которого является дестабилизация общепринятых прав и свобод человека.

Такая трактовка имеет ряд неточностей. В России уголовная ответственность за любые формы и проявления действий насильственного характера: убийство, истязание, побои, доведение до самоубийства и прочий круг деяний, который подразумевает физическое или психологическое воздействие на человека. В данном случае нужно руководствоваться и исходить из норм УК РФ и УПК РФ, где речь идет про состав преступления, а именно, мотивы и цели преступного лица. При этом нужно понимать и разделять действия криминальных субъектов от бытовых конфликтов и террористических направленностей.

2. Терроризм – это одна из форм нарушения законности и справедливости, которая фигурирует в законодательстве.

Формулировка понятие слишком обширна, так как у каждого государства свои виденья на закон. Например, в КНР коррупция, как преступление, приравнивается к терроризму, за что наступает уголовная ответственность в виде публичного расстрела. В России же иная форма взгляда законодателей на коррупционные составы преступления. Такая трактовка понятия «терроризм» говорит на о том, что ключевой особенностью здесь выступает полный нигилизм государственной власти.

3. Терроризм – это способ выражения своего не довольствия к действующей власти, к государственному режиму и политики в целом.

Такая точка зрения весьма опасна и может быть воспринята, как попытка оправдать людей, которые совершают террористические акции и атаки. Существуют иные меры выражения несогласия с государственной политикой, которые не несут в себе насилия и жестокость. Например: референдум, петиции, голосования, дебаты и прочее. Однако, всем мы прекрасно пониманием, что пытаться противостоять государственной «машине» сложно, но это не должно являться поводом использовать насильственный инструментарий.

Вышеперечисленный терминологический аппарат не является исчерпывающим, он лишь отражает всю многогранность и неоднозначность мнений.

Несмотря на то, что понятие «терроризм» – это вопрос дискуссионного характера, в Российской Федерации существует Федеральный закон от 6 марта 2006 года № 35 «О противодействии терроризму» [2], которые имеет четкое определение: «Терроризм – идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий». Краткое и исчерпывающие понятие, которые показывает всю суть такого явления.

Терроризм – это насильственное явление, и как любое явление имеет виды: внутренний и внешний террор.

Внутренний терроризм выражается непосредственно в конкретной стране – подрывает ее суверенитет, конституционный строй, устойчивость всех институтов общества. Иногда даже могут затрагивать авторитет государственной власти, экономический оборот, промышленную и военную индустрию. В некоторых территориальных частях отдельной взятой страны противоборства между этносами и нациями идут не один десяток лет. Так в Российской Федерации на Северном Кавказе стачки разных национальных меньшинств носят критический уровень проявления терроризма еще с Советских времен.

Внешний терроризм более масштабен и связан с глубокой идеологической направленностью. Примером идеологической организации служит ИГИЛ (исламистская террористическая организация, деятельность которой запрещена в России), которая действует на территории Ирака и Сирии. Однако, сфера ее влияние распространяется не только на представленные государства, но и на ряд других стран.

За видами терроризма следуют его и формы – террористическая агрессия, террористическая акция, преступления, имеющие особенности терроризма [6, 45-51].

Террористическая агрессия – выступает в виде мощного средства свержения власти, действует на международном уровне. Сюда, как правило, входят крупные террористические организации, в состав которых входят люди из разных государств и народов. Такие организации могут использоваться в качестве оружия другими государствами в ходе каких-либо военных конфликтов.

Террористическая акция – это совокупность ряда преступлений, которые носят публичный характер. То есть, такая акция обязательно происходит в местах массового скопления людей (торговые центры, площади, спортивные мероприятия). Акции террора осуществляют террористы-смертники – таким образом невозможно привлечь к уголовной ответственности данных лиц.

Преступления, непосредственно связанные с терроризмом. К ним относятся: кибератаки; выброс ядовитых веществ в водоканалы питьевой воды; запугивание; похищение людей; публичные смертные казни политиков, консулов или военных субъектов.

Террористы для осуществления своих криминальных деяний используют разные методики. К первой категории методики относится: действия, которые причиняют имущественный, физический или моральный вред человеку. Вторая категория: нанесение ударов по индустрии – государственные объекты; предприятия, которые обеспечивают нормальное функционирования государства и общества (здравоохранения, водоснабжение, топливные заводы

и прочее). Третья категория: с привлечение информационных технологий – шантаж; распространение ложной информации; пропаганда терроризма; вербовка.

ООН также имеет мнение на данную тематику. В документе «Глобальной контртеррористической стратегии Организации Объединенный Наций (60/288)» [3] указывается, что терроризм никоем образом не должен быть связан с какой-либо религией, национальностью или этносом. Однако, не все государства едины с таким мнением. Такое разнообразие толкований терроризма препятствует международной договоренности по борьбе с таким явлением. Международная практика показывает нам, что не все государства признают терроризм, как насильственно-масштабное явление. Известны случаи, когда Российской Федерации страны Европы не выдавали террористов, несмотря на всю обширность доказательственной базы. Вызвано это тем, что не все страны были согласны с представленными обвинениями, так как они исходили из своих законодательных трактовок терроризма.

Таким образом мы видим, что терроризм искоренить можно, но для этого нужно добиться мирового сотрудничества, в частности подписание единого договора в котором определения терроризма, будет включать в себя все аспекты и четко определять грань этого понятия, поэтому определение должно быть полным и исчерпывающим, что бы не возникало возможности его неправильного восприятия.

Ежегодно происходит серия терактов по всему миру, которые уносят жизни сотней и даже тысячи человек.

Обращаясь к официальным статистически данным Российской Федерации доля террористических и экстремистских действий на фоне других преступлений – составляет 1,2 % [4]. Показатель небольшой, однако, не стоит забывать, что действия террористов в большинстве случаев остаются безнаказанными.

Список литературы:

1. Указ Президента РФ от 31.12.2015 N 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Российская газета. – 2015. – 31 декабря.
2. Федеральный закон "О противодействии терроризму" от 06.03.2006 N 35-ФЗ
3. Резолюция Глобальной Ассамблеи ООН от 8 сентября 2006 года № 60/288 «Глобальная контртеррористическая стратегия Организации Объединенных Наций»
4. ГЕНЕРАЛЬНАЯ ПРОКУРАТУРА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ. ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПРАВОВОЙ СТАТИСТИКИ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ. СОСТОЯНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИИ. // СБОРНИК ПОДГОТОВЛЕН НА ОСНОВАНИИ ФОРМЫ ФЕДЕРАЛЬНОГО СТАТИСТИЧЕСКОГО НАБЛЮДЕНИЯ № 4-ЕГС. -ЗА ЯНВАРЬ 2021 ГОД.
5. Дмитриев А.И., Максимов А.В. Теоретические основы терроризма. Определение экономического ущерба при оценке эффективности общегосударственной системы противодействия терроризму // Вестник Прикамского социального института. -2017. -№ 1 (76). -С.13–18.
6. Дмитриев А.И. Терроризм как угроза национальной безопасности // Вестник Прикамского социального института. -2018. – № 1 (79). -С.45–51.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОГОВОРА КУПЛИ-ПРОДАЖИ

Рябова Карина Сергеевна
студент
Астраханского государственного
технического университета,
РФ, г. Астрахань

Иванова Людмила Александровна
научный руководитель,
канд. юрид. наук, доцент кафедры «Правоведение»
Астраханского государственного
технического университета,
РФ, г. Астрахань

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF THE CONTRACT OF SALE

Karina Ryabova
Student
of Astrakhan State Technical University,
Russia, Astrakhan

Ludmila Ivanova
Scientific director, PhD in Law, Associate Professor
of Astrakhan State Technical University,
Russia, Astrakhan

Аннотация. Актуальность статьи заключается в том, что договор купли-продажи является самым распространенным, а также универсальным и востребованным правовым средством. Несмотря на то, что данный вид договора подробно рассмотрен в российском законодательстве, он имеет немало неточностей и пробелов, из-за которых возникает множество проблем при его использовании и заключении.

Abstract. The relevance of the article lies in the fact that the contract of sale is the most common, as well as universal and in-demand legal means. Despite the fact that this type of contract is considered in detail in Russian legislation, it has many inaccuracies *and gaps, which cause many problems when using and concluding it.*

Ключевые слова: договор купли-продажи, движимое имущество, недвижимое имущество, правовое регулирование.

Keywords: contract of sale, movable property, immovable property, legal regulation.

В соответствии со ст. 454 ГК РФ, «по договору купли-продажи одна сторона (продавец) обязуется передать вещь (товар) в собственность другой стороне (покупателю), а покупатель обязуется принять этот товар и уплатить за него определенную денежную сумму (цену)» [1].

Договор купли-продажи является одним из традиционных институтов гражданского права, который формировался на протяжении около 4 тысяч лет и в итоге сформировался в главу 30 Гражданского кодекса РФ. Но несмотря на большую популярность в использовании, долгий путь формирования и правовое регулирование, договор купли-продажи имеет ряд проблем, требующий устранения.

Что касается юридической характеристики, то договор купли-продажи является взаимным т.е. стороны договора обладают равными правами и обязанностями, возмездным, т.е.

возмездность сделки проявляется в определение денежной суммы и консенсуальным, т.е. договор купли-продажи считается заключенным с момента достижения соглашения сторонами договора по всем существенным условиями договора.

К числу договоров, признаваемых отдельными видами договора купли-продажи, относятся договоры:

- розничной купли-продажи;
- поставки товаров;
- поставки товаров для государственных нужд;
- контрактации;
- энергоснабжения;
- продажи недвижимости;
- продажи предприятия.

Положения главы 30 ГК РФ, которая посвящена купле-продаже, являются основополагающими и по большей части не имеют недочетов и соответствуют реалиям современной России. Кроме того, договор купли-продажи также регулируется специфичными нормативно-правовыми актами, установленными для каждого вида договора купли-продажи, например, Федеральный закон от 13.07.2015 N 218-ФЗ (ред. от 03.08.2018) «О государственной регистрации недвижимости» [2].

Основная причина возникновения проблем по договору купли-продажи является факт неисполнения одной из сторон пунктов заключенного договора, что порождает массу судебных исков, поступающих в арбитражные и суды общей юрисдикции. Кроме того, причиной проблем исполнения обязательств в рамках договора купли-продажи может быть непосредственно уклонение субъектом от соблюдения отдельных условий договора, что тоже порождает споры, которые разрешаются судами общей юрисдикции.

Несмотря на проведенную работу Верховного Суда РФ по обобщению судебной практики по вопросам, связанным с порядком и регламентом разрешения гражданских дел об исполнении обязательств в рамках договора купли-продажи [3], основание для расторжения договора купли-продажи продавцом в одностороннем порядке, которое не отражено в Гражданском кодексе РФ, актуально лишь для судебной практики и не может применяться сторонами договора купли-продажи самостоятельно. Такое положение дел, может, и уменьшило число споров по договору купли-продажи, но увеличило количество работы судебной системы Российской Федерации. Поэтому необходимо данное основание для расторжения договора купли-продажи продавцом в одностороннем порядке закрепить в Гражданском кодексе.

Также, достаточно важной проблемой 30 главы ГК РФ по вопросу заключения договора купли-продажи на недвижимое имущество является тот факт, что существует несовпадение момента перехода перехода риска гибели товара и момента перехода права собственности на приобретаемый товар. Решением данной проблемы видится в закреплении в ГК РФ нормы, в соответствии с которой риск гибели недвижимого имущества при его реализации переходит на покупателя в момент предоставления недвижимости в собственность.

Еще одной проблемой при исполнении обязательств в рамках договора купли-продажи является факт отсутствия законодательное толкования таких важных терминов для обеспечения единого понимания участниками гражданского оборота, как «товар» и «работа». Поэтому в Гражданском кодексе необходимо закрепление данных терминов.

Таким образом, подводя итоги, можно сказать следующее. Несмотря на широкую правовую базу по вопросу заключения, исполнения обязательств и расторжения договора купли-продажи, она требует дополнения новыми положениями и устранение существующих правовых пробелов.

Список литературы:

1. "Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)" от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. 01.01.2022) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант плюс».
2. Федеральный закон от 13.07.2015 N 218-ФЗ (ред. от 03.08.2018) «О государственной регистрации недвижимости» [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант плюс».
3. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 5 (2017) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27 декабря 2017 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 12.

ХОДАТАЙСТВА КАК СРЕДСТВА ЗАЩИТЫ

Семенова Дарья Александровна
магистрант,
Южно-Уральский государственный университет,
РФ, г. Челябинск

Кочетова Алла Валерьевна
научный руководитель, доцент,
Южно-Уральский государственный университет,
РФ, г. Челябинск

Аннотация. Настоящая статья посвящена рассмотрению ходатайства как средства защиты в уголовном процессе. В работе сформулированы черты сходства ходатайства и жалобы, которые сближают данные виды обращений при рассмотрении их как правозащитных средств. Вместе с тем, автором формулируются и отличительные (специфические) черты ходатайства как средства защиты прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: ходатайство, уголовное судопроизводство, участники уголовного судопроизводства, защита прав.

Защиту прав и законных интересов можно назвать темой не только актуальной, но и, по сути, животрепещущей, ведь каждое лицо стремится к тому, чтобы его права и законные интересы как минимум не нарушались, а как максимум – реализовывались бы в полной мере. Тем более эта тема актуальна, когда мы говорим об уголовно-процессуальном праве, ведь от соблюдения, реализации и защиты прав и законных интересов в данном случае зависит жизнь и свобода людей. В рамках данной работы, представляется интересным рассмотреть один из аспектов, а именно проанализировать ходатайства как средства защиты.

В первую очередь, представляется необходимым обратиться непосредственно к нормам закона. В уголовно-процессуальном кодексе РФ содержится отдельный раздел V, который называется «Ходатайства и жалобы» и включает в себя две главы, посвященные соответственно каждому из этих видов процессуальных обращений [1]. Регулирование ходатайств и жалоб одним разделом УПК РФ не случайно, ведь они имеют ряд общих существенных характеристик: они являются, по своей сути, обращениями [2, с. 2, 3, с. 816]; подача как ходатайства, так и жалобы представляет собой активную деятельность [5, с. 43]; характеризуются необходимостью соблюдения особой процессуальной формы при подаче [8, с. 125; 3, с. 815] и особой процедуры рассмотрения; подаются особыми субъектами и особым субъектам. Отдельно отметим, что выше перечислены лишь черты, которые сближают ходатайства и жалобы по своей правовой природе, но не ставят между ними знак равенства. Каждая черта проявляется в ходатайстве и жалобе по-разному (так, процедура рассмотрения жалоб и ходатайств различна, но само по себе наличие процедуры и определенная схожесть этапов сближает эти правовые институты).

Остановимся на характеристике субъектов, ведь именно с этим тесно связан интересующий нас аспект рассмотрения ходатайств как средства защиты. Действительно, именно реализуя свое право на защиту прав и законных интересов, лица подают жалобы и ходатайства. Важно отметить, что и жалобы, и ходатайства предполагают, что лицо, подающее их, не имеет возможности самостоятельно совершить то или иное процессуальное действие (например, допросить свидетеля или отменить постановление следователя), что влечет необходимость реагирования уполномоченного должностного лица [7, с. 72]. Подача жалобы или ходатайства запускает механизм реагирования уполномоченного должностного лица на потребности в реализации прав и законных интересов.

Однако цели подачи жалобы и ходатайства, а также обстоятельства, побудившие лицо прибегнуть к той или иной форме процессуального обращения, принципиально различны. Жалоба подается тогда, когда нарушены права и свободы участника уголовного процесса, и именно с целью устранить эти нарушения. Когда лицо подает ходатайство, то целью является реализация прав и законных интересов лица [5, с. 45; 4, с. 23]. Если ранее участник уголовно-процессуальных отношений имел лишь абстрактную возможность что-либо сделать или получить, то подача ходатайства как бы «запускает» механизм, конечной целью которого является реализация этих прав и интересов, их воплощение в жизнь.

Из этого следует и различная направленность жалоб и ходатайств: ходатайства обладают перспективной направленностью [5, с. 45; 6, с. 149]. Реагирование на ходатайство произойдет после его заявления, и желаемые последствия (в форме действия или бездействия) могут наступить только после обращения с ходатайством. Напротив, жалоба отличается ретроспективной направленностью, ведь она представляет собой акт реагирования лица на нарушение его прав и законных интересов. Подавая ходатайство, лицо требует сформировать такое правовое положение в будущем, в котором был бы реализован тот или иной законный интерес данного лица. А подавая жалобу, лицо, наоборот, стремится вернуться в прошлое правовое состояние, когда его права и законные интересы еще не были нарушены.

Принципиально важным при рассмотрении ходатайств как средств защиты является и анализ положений УПК РФ, которые очерчивают круг лиц, имеющих право заявить ходатайство. Часть 1 ст.119 УПК РФ предусматривает перечень, в который входят: «Подозреваемый, обвиняемый, его защитник, потерпевший, его законный представитель и представитель, частный обвинитель, эксперт, гражданский истец, гражданский ответчик, их представители, представитель администрации организации и иное лицо, права и законные интересы которых затронуты в ходе досудебного или судебного производства». Исходя из этой формулировки можно сделать два вывода: во-первых, закон напрямую связывает право подачи ходатайства с наличием у лица прав и законных интересов. Иными словами, данную формулировку можно считать прямым подтверждением, что законодатель рассматривает ходатайства как средство защиты.

Во-вторых, в законе приведен весьма подробный перечень лиц, имеющих право заявлять ходатайство. Обращает на себя внимание тот факт, что данный перечень начинается указанием на подозреваемого, обвиняемого, его защитника. Думается, что это не умаляет ли это значение ходатайств для иных участников процесса. Вместе с тем, как нам кажется, подобное перечисление подчеркивает, что законодатель старается отойти от обвинительного уклона и сформулировать законодательные положения с учетом принципов презумпции невиновности и состязательности сторон. Получается, что и с этой точки зрения ходатайства можно рассматривать как средство защиты прав и законных интересов, причем весьма универсальное средство, которым могут воспользоваться участники уголовного судопроизводства как со стороны обвинения, так и со стороны защиты, а также иные участники.

Отметим также, что с формулировкой «иное лицо» связана и определенная юридическая проблема. Дело в том, что правом заявлять ходатайства в ряде случаев наделены должностные лица. В качестве примера можно привести положения ст.108 УПК РФ, когда следователь возбуждает перед судом ходатайство о заключении лица под стражу. По нашему убеждению, правовая природа таких ходатайств в корне отлична от тех, которые упомянуты в главе 15 УПК РФ и которые О.А. Максимов обоснованно называет «правозащитными» [6, с. 149]. Возвращаясь к примеру ст.108 УПК РФ, скажем, что следователь в данной ситуации не защищает свои права, он выполняет возложенную на него государством правовую функцию. Мы можем предположить, что в подобных случаях, употребляя термин «ходатайство» законодатель хотел сформулировать такую правовую норму, которая бы учитывала принцип состязательности сторон, а о ходатайстве как о средстве защиты в данном случае речь не идет.

Таким образом, рассмотренные в настоящей работе положения позволили обосновать, что ходатайства в уголовном процессе являются средствами защиты прав и законных инте-

ресов лиц. Выявлен ряд общих черт, которые присущи ходатайствам и жалобам как правозащитным средствам (являются, по своей сути, обращениями; подача как ходатайства, так и жалобы представляет собой активную деятельность; характеризуются необходимостью соблюдения особой процессуальной формы при подаче и особой процедуры рассмотрения; подаются особыми субъектами и особым субъектам). Вместе с тем, ходатайства как средства защиты обладают и специфическими чертами: специфическая цель (реализация прав и законных интересов), перспективная направленность, наличие у лица прав и законных интересов у субъекта как необходимая характеристика субъекта, заявляющего ходатайство.

Список литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 07.10.2022) // Российская газета, № 249, 22.12.2001.
2. Зебницкая А.К. Ходатайства на стадии возбуждения уголовного дела: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2018. 28 с.
3. Коломиец В.В. Ходатайства в уголовном процессе России и Федеративной Республики Германия // Аллея науки. 2017. Т. 5. № 16. С. 814-819.
4. Лугинец Э.Ф. «Процессуальная свобода» в реализации правового института ходатайств и жалоб в уголовном судопроизводстве // Юристъ-Правоведъ. 2018. № 1 (84). С. 22-26.
5. Максимов О.А. Понятие ходатайства в уголовном процессе // Союз криминалистов и криминологов. 2018. № 3. С. 42-47.
6. Максимов О.А. Существенные черты ходатайства – способа защиты прав лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство // Аграрное и земельное право. 2018. № 11 (167). С. 144-150.
7. Максимов О.А. Единство и уникальность правового института ходатайств и жалоб в уголовном процессе Российской Федерации // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 1 (95). С. 71-77.
8. Согоян В.Л. К вопросу о правовой регламентации рассмотрения и разрешения ходатайств в уголовном судопроизводстве // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 4 (119). С. 123-126.

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУРНЫХ ИНСТИТУЦИЙ С АВТОРАМИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Слабоденюк Марина Вадимовна

магистрант
Российской государственной академии
интеллектуальной собственности,
РФ, г. Москва

Культурная или творческая индустрия – современный сектор в экономике развитых стран, который представляет собой деятельность, в основе которой лежит индивидуальное творческое начало, навык или талант, и которая несет в себе потенциал создания добавочной стоимости и рабочих мест путем производства и эксплуатации интеллектуальной собственности.

Термин «культурная институция» не закреплен нормативно, но достаточно крепко вошел в обиход в творческой среде. Так обобщенно называют учреждения культуры: музеи, галереи, культурные центры, фонды.

В России с конца прошлого века культура как явление все больше выходит за рамки государственных учреждений, порождая различные формы организации творческой деятельности: «лофт-проекты», «креативные пространства», арт-центры.

В поисках новых способов взаимодействия с аудиторией культурные институции все больше отходят от классических экспозиций, отдавая предпочтение таким явлениям, как инсталляция, перформанс, медиаарт.

Используя в своей деятельности произведения современного искусства, учреждения культуры неизбежно сталкиваются с вопросами приобретения прав на интеллектуальную собственность. О юридической стороне взаимодействия культурных институций и авторов произведений пойдет речь в данной статье.

Актуальность настоящей работы обусловлена отсутствием в научной литературе системного толкования правовых норм, регулирующих приобретение учреждениями культуры прав интеллектуальной собственности на произведения искусства.

В российском законодательстве вопросы права интеллектуальной собственности регулируются частью IV Гражданского кодекса. Произведения как результат интеллектуальной деятельности охраняются авторским правом, которое наделяет автора правом на имя, авторство, неприкосновенность произведения и правом на его обнародование. Данные правомочия принадлежат автору с момента создания результата интеллектуальной деятельности и неотчуждаемы. Кроме того, по факту создания произведения за автором признается исключительное право на использование произведения. Именно оно становится предметом договорных отношений между представителем творческой индустрии и культурной институцией.

На практике эти отношения могут принимают форму лицензионного договора или договора об отчуждении исключительных прав на произведение. Также между сторонами может быть заключен договор авторского заказа или договор о создании служебного произведения – в этом случае в комплексе условий договора будут предусмотрены положения лицензионного соглашения или договора об отчуждении.

Лицензионный договор предусматривает предоставление автором учреждению культуры отдельных правомочий на использование произведения, ограниченных во времени и в пространстве. Если в период действия такого договора автор ограничен в предоставлении аналогичных правомочий другим лицам – то перед нами исключительная лицензия (и неисключительная, если автор вправе наделять правами использования произведения по сделкам с другими лицами).

В случае, если институция выкупает у автора право на использование произведения и становится его единоличным правообладателем – между сторонами заключается договор об отчуждении исключительного права.

Служебное произведение создается сотрудником учреждения, и исключительное право на его использование признается за учреждением-работодателем по факту создания в рамках договора. В таком случае институция вправе самостоятельно распоряжаться произведением и извлекать из этого прибыль.

Когда же представитель творческой индустрии является сторонним лицом, учреждение культуры может выступить заказчиком конкретного произведения по договору авторского заказа. Исключительное право при этом может признаваться за автором как титульным собственником, а институции при этом будут предоставляться лишь отдельные правомочия в качестве неисключительной лицензии. Возможен и вариант отчуждения исключительного права на произведение в пользу институции, если она заинтересована в том, чтобы произведение было эксклюзивно и не имело аналогов.

Такой договор наиболее часто используется при проведении перформансов, потому как результатом этого культурного действа является сам процесс, не имеющий статичного материального воплощения.

В совокупности данных правовых инструментов выстраивается взаимодействие между автором и культурной институцией, которая транслирует произведение для массового потребления. В настоящее время можно говорить о том, что представленные механизмы регулирования являются достаточно гибкими и позволяют учреждениям и авторам выстраивать культурный диалог в правовом поле.

Список литературы:

1. Гнедовский М.Б. Творческие индустрии: политический вызов для России // Отечественные записки – № 4 – 2005.
2. Подкопаев о. А. Правовой статус учреждений культуры: к вопросу о возможностях, ответственности, самостоятельности и экономической свободе учреждений // Социальные науки: social-economic sciences – № 3 (30) – 2020.
3. Соколов К.Б., Осокин Ю.В. Художественный рынок и наука об искусстве // Художественная культура – № 2 (20) – 2017.

ВЫМОРОЧНОЕ ИМУЩЕСТВО В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ

Слепцова Елизавета Сергеевна
студент,
ФБГОУ ВО Саратовская государственная юридическая академия,
РФ, г. Саратов

Боева Диана Вячеславовна
студент,
ФБГОУ ВО Саратовская государственная юридическая академия,
РФ, г. Саратов

Ермолаева Тамара Александровна
научный руководитель, канд. юрид. наук,
доцент кафедры международного права,
ФБГОУ ВО Саратовская государственная юридическая академия,
РФ, г. Саратов

На протяжении всей истории человечества, на главном месте правовой системы каждого государства стоит право наследования. На данный момент с каждым годом растет число наследственных дел с иностранным элементом, это обусловлено тем, что идет развитие культурных, политических, экономических связей государств. Иностранный элемент проявляется различным образом: наследуемое имущество может находиться в другом государстве, наследник и наследодатель являются гражданами разных государств.

Институт выморочного имущества в настоящее время нуждается в доработке для единого понимания, так как выморочное имущество под своей целью понимает эффективное наследование имущества.

Итак, для начала определим выморочное имущество с точки зрения законодательства Российской Федерации. П.1 ст. 1151 Гражданского кодекса РФ [1] (далее ГК РФ) устанавливает, если нет наследника по завещанию и закону, либо никто из наследников не принял наследство, либо же у наследников нет права наследовать имущество, или наследники отстранены от принятия наследства; либо был полный отказ от наследственного имущества со стороны наследников, то имущество считается выморочным и переходит в собственность государства. То есть, формально при выморочном имуществе государство является единственным наследником. Можно отметить, что обязательным наследником, которому не требуется принятие наследства является государство, это и есть его главное отличие от иных наследников.

Обращаясь к коллизионному вопросу можно отметить, что согласно ст. 1224 ГК РФ отношения по наследованию регулируются правом того государства, где жил наследодатель до своей смерти. Но иное предусмотрено в отношении недвижимого имущества, здесь применяется право той страны, где находится данное имущество. Однако недвижимое имущество, которое занесено в государственный реестр в Российской Федерации, наследуется по законодательству РФ. Соответственно можно увидеть закономерность, а именно: чтобы наследник наследовал движимое имущество, нужно применять право места нахождения имущества. Но чтобы наследник наследовал недвижимое имущество, нужно применять право того государства, в котором проживал наследодатель до смерти [2].

Необходимо отметить, что к концепциям наследования выморочного имущества можно отнести две основные. Первая концепция утверждает, что выморочное имущество является бесхозяйным и тем самым переходит в собственность государства, а последнее приобретает имущество на праве оккупации. Право суверена основан на праве том, где он способен стать собственником имущества, которое не имеет хозяина в связи с его смертью. Данную концепцию можно проследить в таких странах, как Англия, США, Франция, Нидерланды, Бельгия.

Вторая же концепция указывает на то, что государство является фактическим наследником. Если отсутствуют наследники по закону и завещанию, то государство приобретает имущество умершего, как наследник последней очереди, и соответственно все долги наследодателя переходят государству. Данная концепция поддерживается в Турции, Италии, Российской Федерации, Швеции.

Во многих вопросах, связанных с международными отношениями, осложненными иностранным элементом, есть свои преимущества и недостатки. Так, рассматривая данные концепции, можно выделить как свои преимущества, так и недостатки [4]. Говоря о преимуществах, стоит сказать о возможности перехода в собственность государства имущества, являющегося выморочным, которое не обременяется определенными обязательствами или долгами, но в данном случае проявляется недостаток в факте перехода в собственность государства имущества, находящегося на территории конкретного государства. Обращаясь к недостаткам, можно сказать, что государство является фактическим наследником, и поэтому помимо имущества наследодателя к государству так же переходят долги и обременения. Но тут есть и своё преимущество, а именно: если наследство будет переходить государству по закону, то государство претендует на всю имущественную массу независимо от местонахождения имущества, которое входит в состав этой массы.

На практике можно увидеть проблему, связанную с определением наследника, то есть в собственность какого государства должно перейти имущество. В национальном праве нет коллизионной нормы, которая бы регулировала данную проблему, но на практике такие вопросы чаще всего решаются посредством заключения двусторонних соглашений о правовой помощи между государствами [3].

В Российской Федерации не закреплены нормы, регулирующие коллизионные вопросы наследования государством. Но на международном уровне вопросы наследования выморочного имущества регулируются Минской конвенцией 1993 года и Кишиневской конвенцией 2002 года, согласно которым можно установить, что «если по законодательству Договаривающейся Стороны, подлежащему применению при наследовании, наследником является государство, то движимое наследственное имущество переходит Договаривающейся Стороне, гражданином которой является наследодатель в момент смерти, а недвижимое наследственное имущество переходит Договаривающейся Стороне, на территории которой оно находится». Эти нормы не являются коллизионными, а только указывают, каким образом должно быть распределено выморочное имущество между государствами.

Также одной из проблем, связанной с определением государства-наследника в наследовании выморочного имущества в международном частном праве, можно назвать проблему выбора личного закона умершего лица, если на момент смерти оно имело 2 или более гражданств стран, по-разному определяющих личный закон лица в своем законодательстве. Вместе с тем закон домицилия выступает весьма оценочной правовой категорией, и в каждом государстве определяется по-разному.

Приведем пример из практики. Так гражданин Японии умер и не оставил после себя наследников, по национальному праву. В Австралии в штате Квинсленд осталось его движимое имущество, к которому применяется право Японии как право последнего места жительства, так определил суд Австралии. И соответственно данное имущество должно перейти к Национальной Казне. Так же суд установил, у имущество не нашлось наследников, следовательно казна Японии входит в последнюю очередь наследников и наделена правом приобрести имущество. Следовательно, суд Квинсленда решил, что право Японии ближе к праву Австрии и постановил, что казна Японии не может претендовать на имущество, данное имущество должно перейти по праву оккупации штату Квинсленд. Данное разрешение дела указывает, что судьба имущества будет определяться по закону, к которому отсылает коллизионная норма о наследовании, а не по закону суда.

На основании изложенного можно сделать следующий вывод о том, что в настоящее время существует две концепции перехода выморочного имущества к государству: в порядке наследования и как бесхозяйное имущество. И данные концепции они приводят к схожим

результатам. Обращаясь к Российской Федерации, то можно сказать, что в ГК РФ есть формулировки, которые указывают, что государство- наследник последней очереди. Данный вопрос регулируется и на международном уровне с помощью двусторонних соглашений и Минской конвенцией. Когда государства придерживаются различных концепций к наследованию выморочного имущества, то возникают сложные споры. Данные споры они редкие, но на практике они есть. Соответственно в настоящее время на международном уровне вопросы, касающиеся наследования выморочного имущества, осложненного иностранным элементом, имеют слабую правовую регламентацию. Соответственно порождается множество противоречий и судебных споров, а также требуется уточнения, чтобы обеспечить справедливое определение юридической судьбы выморочного имущества.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 N 146-ФЗ (ред. от 01.07.2021)// «Парламентская газета». №224. 28.11.2001.
2. Богуславский М.М. Международное частное право: Учебник. – 7-е изд., перераб. и доп. – М: Норма: ИНФРА-М. 2020.
3. Леонтьева С.Н. Международно-правовые аспекты наследования выморочного имущества // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики: Сборник материалов VI международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию юридического факультета (Чебоксары, 02.12.2016). – Чебоксары: Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, 2016. – С. 139-140.
4. Абраменков, М.С. Коллизионно-правовое регулирование наследственных отношений в современном международном частном праве / ММ.С. Абраменко. – Ульяновск : Изд-во УлГУ. 20014. – 206 с.

Электронный научный журнал

СТУДЕНЧЕСКИЙ ФОРУМ

№ 41 (220)
Декабрь 2022 г.

Часть 3

В авторской редакции

Свидетельство о регистрации СМИ: ЭЛ № ФС 77 – 66232 от 01.07.2016

Издательство «МЦНО»
123098, г. Москва, ул. Маршала Василевского, дом 5, корпус 1, к. 74

E-mail: studjournal@nauchforum.ru

16+